

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории

2
к 49

А. И. Клибанов

ИСТОРИЯ
РЕЛИГИОЗНОГО
СЕКТАНТСТВА
В РОССИИ

(60-е годы XIX в.-1917 г.)

619506

Издательство «Наука»
Москва 1965

Глаза IV

СЕКТА МОЛОКАН

1. Основные течения в молоканстве

В литературе по истории религиозного сектантства стало традиционным параллельное исследование духоборчества и молоканства. Эта сложившаяся еще в работах дореволюционных авторов традиция была принята во внимание и советскими исследователями. По мнению Н. М. Никольского, «между той и другой сектой много общего, и мелкие различия объясняются не совсем одинаковым социальным составом и различными условиями быта»¹. И далее: «Последователи Уклейна выработали доктрину и организацию, весьма сходные с духоборческой... разделять друг от друга эти столь тесно связанные секты вряд ли удобно и возможно»².

Мнение Н. М. Никольского о тесной связи духоборчества и молоканства уточняют наблюдения П. Г. Рындзюнского над движением так называемых духовных христиан, возникшем среди крестьян-однодворцев Тамбовщины в 60-х годах XVIII в. П. Г. Рындзюнский рассматривает духоборчество и молоканство как продукты дифференциации, произшедшей в «духовном христианстве» еще во второй половине XVIII в.³ Можно признать, что между духоборством и молоканством имеется «много общего», но нельзя согласиться с затушевывающим специфику того и другого движения утверждением, что лишь «мелкие различия» отделяют их и что их раздельное исследование «вряд ли удобно и возможно». Ведь сравнительное изучение духоборчества и христововерия, в свою очередь, убеждает, что между ними имеется «много общего», что отчасти нами и показано в предшествующих главах.

Действительно, духоборчество генетически и идеологически было связано с христововерием, но эти течения отличались и по времени возникновения, и по социальному составу и не совпадали даже в том, что относится к мистическим элементам их мировоззрения. Сопоставляя учения духоборов и христововеров, Н. М. Никольский замечает: «...духоборческий «дух» — это не дикое опьянение во время радений, но разумное исследование и рассуждение. Очевидно, что такой «дух» должен был дать и совершенно иные практические советы»⁴. С христововерием духоборчество роднит не экстатическое растворение человека в «духе», а присущее уч-

¹ Н. М. Никольский. История русской церкви. М., 1930, стр. 200.

² Там же.

³ П. Г. Рындзюнский. Антицерковное движение в Тамбовском крае в 60-х годах XVIII века. «Вопросы истории религии и атеизма», т. II. М., 1954, стр. 157, 190—191.

⁴ Н. М. Никольский. Указ. соч., стр. 202.

ниям той и другой секты своеобразное пантеистическое мировосприятие, представление о разлитых в «натуре мира» духовной премудрости, благости и любви. В учении духоборов пантеистическая мистика христововеров приобретала рационалистический оттенок.

Совсем не то мы имеем в учении молокан. Последние с самого начала отказались от пантеистических мотивов, прикрытых у христововеров и духоборов христианскими формами, их учение являлось христианским теизмом, лишь освобожденным от церковно-канонических форм. Духоборы обозначили в «духовности» некий универсальный, отвечающий природе божества принцип жизнепонимания; они различали три духовных начала — память, разум и волю, которые называли богом-отцом, богом-сыном и богом-духом. Это была их «троица». Когда П. В. Веригину потребовалось формулировать духоборческое понятие о боже, он, в соответствии со всей традицией, писал: «Бог есть жизнь и присутствует во всем существующем... Понимая божа как самую жизнь, сущую и единую во всем проявляющуюся, мы смерти телесной не должны страшиться... Человек есть часть одного целого в мире. Бога мы также представляем, что он есть любовь, с помощью которой держится все существующее»⁵.

Молоканство с тех пор, как мы узнаем о его учении из так называемых обрядников, которые были в ходу еще у Семена У克莱ина и его ближайших учеников, свое понимание о боже основывало на Библии. По словам П. Н. Милюкова «основной христианский догмат последователи У克莱ина не решались толковать аллегорически. За учением о св. троице они оставили православный смысл»⁶. Для молокан божьим являлся богом в трех лицах, причем «сын» и «святой дух» считались единосущными «отцу», хотя и не вполне ему равными в «божественном достоинстве».

Как тринитарная, так и христологическая доктрины молоканства ближе были православию, нежели духоборству. Христос в учении молокан был сыном божиим, непорочно зачатым девой Марлей, а не совершенным по «духовности», «обоженным» человеком.

Если для христововеров и духоборов ветхозаветные и новозаветные книги не имели никакого обязательного значения, а главнейшим источником веры для них служило «откровение», то для молокан Библия имела авторитет единственного и богодохновенного источника веры и знания. Библия служила важнейшим свидетельством религиозного совершенства верующего.

Подобно христововерам и духоборам, молокане в своих воззрениях исходили из «равенства сынов божиих», придерживались этики «добрых дел» и — более или менее — идеи построения «царства божия» на земле, но требование равенства и общности имуществ среди них пользовалось гораздо меньшей популярностью, чем среди духоборов. Это требование, как будет показано ниже, возникло и в молоканской среде, но лишь в качестве отпора беднейших слоев эксплуататорским крупнособственническим элементам секты. Разного рода общественные институты имели в молоканстве меньшее значение, чем в духоборстве.

Молоканство отвергало господствующую церковь и ее идеологию как орудие крепостнического господства, но не шло так далеко, как духоборчество, в отрицании самого института церкви, придав большое значение наставникам (пресвитерам), с самого начала выработав свои религиозные нормативы и зафиксировав их в письменных обрядниках. Для молокан эталоном религиозного строя, во всяком случае в идее, служила христианская церковь и ее учение до эпохи вселенских соборов, «извративших христианство». Все это не «мелкие различия», а в рамках развития форм религиозного сектантства — принципиальные различия, требую-

⁵ В. А. Сухорев. Указ. соч., стр. 207.

⁶ П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры. Париж, 1931, стр. 131 (разрядка наша.— А. К.).

щие исторического изучения и объяснения. Молоканство и возникло в результате разрыва и последовавшей затем борьбы Семена У克莱ина и его приверженцев с Илларионом Побирохиним и остававшимися верными его учению духоборами. Молокане и позднее отвергали общение с духоборами.

В 1817 г. херсонский военный губернатор в связи с прибытием молокан из Орловской губернии в Мелитопольский уезд Таврической губернии доносил министру внутренних дел, что «молокане, удостоверившись там, что содержимая мелитопольскими поселенцами секта духоборческая с их молоканской совершенно несходна, таврическому губернатору объявили, что по сей причине они не могут жить в селениях сих последних, а они вовсе отказываются принять первых в свое общество по разнообразию сект»⁷. По словам молоканского автора А. И. Стоялова, У克莱ин «учил последователей своих веровать так, как учит Библия, и отвергал все, что буквально в ней не выражено»⁸. Обращение У克莱ина к Библии имело на первых порах в виду не столько даже отрицание православной церковной организации и каноники, сколько борьбу против духоборства: «Направляя учение свое,— продолжает Стоялов,— противу духоборцев, которых вера в могущество души явно противоречит с св. писанием, У克莱ин не отверг веры во внутреннее просвещение, но строго подчинил себя букве писания и отнял у этого верования (в «могущество души».— А. К.) то важное значение, которое оно имело у духоборцев...»⁹

В переводе с языка религиозных понятий отнять у верования в «могущество души» «то важное значение, которое оно имело у духоборцев», значило ограничить демократическое значение духоборческого учения. Молоканство при всей своей антицерковности явилось разновидностью христианского теизма, покончившей с теми смутно-пантеистическими представлениями, которые делают раннее духоборчество не просто явлением антицерковного протesta, но и фактом истории свободомыслия, зарождавшегося в крестьянской среде. Что означало конкретно утверждение «могущества души» в период возникновения духоборства? Представитель «духовного христианства» 60-х годах XVIII в. Кирилл Петров заявлял своим судьям: «В службе де государевой быть он не хочет, потому что бог сотворил человека по образу своему и подобию, самовластным, и пропитание он иметь хочет своими руками. Такого согласия, как он, людям надлежит имение иметь общее и друг другу безвозбранно давать, потому что они братья»¹⁰.

П. Г. Рындзюнский, из работы которого мы заимствуем эти полные человеческого достоинства слова Кирилла Петрова, пишет: «Учение о самовластии человека, завершая систему взглядов антицерковного кружка однодворцев, сообщало ему определенно выраженные черты гуманизма... Вместе с тем их туманизм был лишен черт индивидуализма. Для его последователей, наоборот, характерны идеи коллективизма, что обусловливалось их социальной природой, тем, что их взгляды развивались не в среде городской буржуазии, а в кругу феодально эксплуатируемого крестьянства»¹¹. П. Г. Рындзюнский заключает: «Это был своеобразный крестьянский гуманизм, имевший подлинно демократический характер»¹². Вот что означали «верования» духоборов в «могущество души», за ограничение которых выступило молоканство.

⁷ Цит. по: Ф. В. Ливанов. Раскольники и острожники, т. III. СПб., 1872, стр. 468.

⁸ А. И. Стоялов. Сведение о молоканах Таврической губернии. «Отечественные записки», 1870, № 6, стр. 299.

⁹ Там же.

¹⁰ П. Г. Рындзюнский. Указ. соч., стр. 178 (разрядка наша.— А. К.).

¹¹ Там же, стр. 189 (разрядка наша.— А. К.).

¹² Там же.

Еще Н. М. Никольский обращал внимание на «не совсем одинаковый» социальный состав духоборчества и молоканства в последней четверти XVIII в., указывая, что в это время молоканство, распространявшееся в крестьянской среде, пользовалось (в отличие от духоборчества) успехом «отчасти среди мелкого городского мещанства и ремесленничества»¹³.

Добавим, что уже на раннем этапе развития молоканства в нем приняли активное участие и купеческие элементы. Одним из преемников У克莱ина был моршанский купец С. А. Швецов, который, «не довольствуясь званием городского головы и полученной им медалью, ходатайствовал о возведении его в почетные граждане»¹⁴. По оценке молоканского историка, завышенной, по нашему мнению, Швецов — «одно из тех лиц, которое имеет равное с У克莱иным значение среди молокан»¹⁵.

Швецову принадлежит изложение молоканского учения, в котором он не преминул повторить вслед за ранее появившимися обрядниками — «молимся за себя, за всяческих людей, за царя и за всех, иже во власти суть»¹⁶. Фигура Швецова показательна для характеристики социальных элементов, которые со временем приобрели решающее влияние в молоканстве.

Обратимся к фактическим данным, характеризующим отличие в социальном составе духоборчества и молоканства, отчетливо фиксируемое уже в первой четверти XIX в. По данным министерства внутренних дел на 1825 г., в России (за исключением Курляндской и Рязанской губерний, Керчь-Еникальского градоначальства и областей Омской и Донской) было зарегистрировано 23 207 духоборов. Из них принадлежали к «свободным сословиям» 17 763 человека (мужчин — 7258, женщин 10 505), т. е. свыше 76%, а к числу помещичьих крестьян — 5444 (мужчин 2651, женщин 2793), т. е. свыше 23%¹⁷. Эти цифры весьма красноречивы, так как показывают, что социальное лицо духоборчества определяли именно представители «свободных сословий».

В числе представителей «свободных сословий», составлявших три четверти участников духоборческого движения, почти начисто отсутствовали представители городских сословий — купечество и мещанство. Вся эта группа духоборов состояла из государственных крестьян тех или иных категорий. Духоборчество, возникшее как движение государственных крестьян (однодворцев), продолжало развиваться главным образом в этой социальной среде, в то же время пополняясь кадрами помещичьих крестьян. Что касается молоканства, то и его массовая база находилась в деревне и, в свою очередь, — среди государственных крестьян, но в отличие от духоборчества оно пустило корни в купеческих и мещанских кругах города.

Архивы министерства внутренних дел содержат ценные сведения, позволяющие судить как о распространенности молоканства в городах, так и о руководящем значении, которое имели в нем купеческие элементы. Уже в 1816 г. симбирский гражданский губернатор отмечал, что секта молокан в его губернии «заметным образом усилилась... найдя многих последователей из торгового класса людей (т. е. купечества.— А. К.) и поселян. Как те, так и другие — большую частью люди житочные и потому имеющие влияние на других»¹⁸.

Донесение тамбовского губернатора указывает, среди каких именно слоев вербовали свои кадры молокане во второй половине первого деся-

¹³ Н. М. Никольский. Указ. соч., стр. 200.

¹⁴ Н. Варадинов. История министерства внутренних дел, кн. 8. СПб., 1863, стр. 355.

¹⁵ «Дух и жизнь. Книга Солнца». Изд. 2. Лос-Анжелос, 1928, стр. 30.

¹⁶ Н. Варадинов. Указ. соч., стр. 351.

¹⁷ Там же, стр. 225—226.

¹⁸ Там же, стр. 498 (разрядка наша.— А. К.).

тилетия XIX в., т. е. как раз в то время, когда в Моршанске Тамбовской губернии вел молоканскую проповедь «сам» городской голова Швецов: «В городе Тамбове купец Федор Иванов Малин содержит молоканство с 1817 года, мещанин Иван Дмитриев Попов с 1819 года, мещанин Ефим Ефимов Трунилин с 1817 года, купец Гавриил Иванов Сорокин с 1817 года, купец Петр Алексеев Лоскутов с 1818 года; села Рассказова г-жи Постниковой крестьяне (оброчные.—A. K.) Иван Семенов Хомутков с 1818 года, Захар Трофимов Казаков с 1820 года, Никита Маринов Лапинов с 1819 года; Тамбовского уезда села Солдатской Вихляйки однодворец Матвей Тимофеев Коробов с 1813 года; Кирсановского уезда села Мордвиновки Иуда Феофанов Куницын с 1815 года»¹⁹. Из 10 жителей Тамбова, представленных в списке и обратившихся в молоканство в период с 1813 по 1820 г., трое были купцами, двое мещанами, трое помещичьими крестьянами, один однодворцем и один неустановленного звания, скорее всего — государственный крестьянин.

В первой четверти XIX в. возникла молоканская община в Одессе. В ее составе находилось «купцов, мещан и других жителей города Одессы 56 семейств, да живущих в Одессе иногородних семейств 37, сверх того, по розыску полиции открыто 17 человек купцов и мещан, состоящих в молоканской секте, но они за отлучкой их по делам торговым остались неопрошеными»²⁰. Именно эти купеческо-мещанские элементы занимали в молоканстве командные позиции уже в начале XIX в. В Дубровском посаде Саратовской губернии в числе молоканских «толковников», т. е., как бы мы это теперь сказали, актива секты, семеро были купцами третьей гильдии и трое мещанами²¹. Мы располагаем обобщенными данными, характеризующими участников молоканской секты в Саратовской губернии в 1842 г.

Из учтенных по губернии 9553 молокан было: купцов — 436 (4,6%), мещан и цеховых — 581 (6%), государственных крестьян — 3683 (38,6%), удельных крестьян — 2922 (30,5%), помещичьих крестьян — 1650 (17,3%), вольноотпущеных — 281 (3%)²². Таким образом, на долю города приходится свыше 10% состава молокан Саратовской губернии, из которых 4,6% составляла торговая буржуазия. В свою очередь, и среди государственных и удельных крестьян имелось немало богатых собственников. Какие представители удельных крестьян охотно становились молоканами, показывает пример удельных крестьян (село Новое Устье Моршанского уезда) Максима и Петра Болотиных, являвшихся собственниками каменного дома, каменного сарайя, ряда хозяйственных заведений, ветряной мельницы, завода (характер производства не указан); этим крестьянам, кроме того, в 1819 г. «разные люди должны были более 15000 рублей»²³.

Представление о роли элементов торговой и промышленной буржуазии в среде молокан дает правительственное распоряжение от 13 февраля 1837 г., согласно которому молоканам запрещалось: 1) «записываться в купеческие гильдии, кроме прежде записанных, но и этим последним запретить переход в высшие гильдии»; 2) переходить в городское общество из крестьянского, «хотя бы они получили свободу от помещика», а «приписанным к городскому обществу... в другие общества» (запрещения, предусмотренные во втором пункте, не относились к молоканам, проживавшим в Закавказье.—A. K.); 3) «иметь православных в служении в домах, на фабриках и других заводах»²⁴. В 1842 г.

¹⁹ Ф. В. Ливанов. Указ. соч., т. IV, стр. 220—221.

²⁰ Там же, т. III, стр. 516.

²¹ Там же, т. IV, стр. 403.

²² Н. Варадинов. Указ. соч., т. VIII, стр. 495.

²³ Ф. В. Ливанов. Указ. соч., т. IV, стр. 217.

²⁴ «Собрание постановлений по части раскола». СПб., 1858, стр. 241—242.

последовал именной указ, воспрещавший молоканам и духоборам из числа однодворцев «право приобретать крестьян от людей им равных»²⁵.

15 марта 1847 г. подтверждено было в категорической форме правительственные распоряжение от 13 февраля 1837 г., запрещавшее молоканам пользоваться трудом лиц православного вероисповедания. По-видимому, опыт минувшего десятилетия показал, что молокане находили способы вербовать рабочую силу из православной бедноты, вопреки правительенному запрету. «Молоканам ни под каким предлогом,— объявлялось в новом распоряжении,— не иметь в домах своих на фабриках и заведениях людей православного исповедания ни в услужении, ни в работниках, и самим молоканам на том же основании не вступать в услужение в дома или к хозяевам православного исповедания»²⁶.

Совокупность приведенных данных свидетельствует о том, что молоканское движение располагало более широкой и сложной по составу базой, чем духоборческое, отличаясь от последнего прежде всего участием в нем торговой буржуазии города, а также мещанских элементов.

При том большом значении, которое уже с самого начала XIX в. приобрели в молоканстве купеческие элементы и представители нарождавшейся крестьянской буржуазии, весьма важным становится вопрос о характере и тенденциях идеологического влияния, оказываемого ими на массы своих последователей. В этом отношении показателен документ, с которым тамбовские молокане — крупные купцы Федор и Иван Сорокины и еще 15 человек (купцы и мещане) — обратились 6 апреля 1819 г. к тамбовскому губернатору. В своем обращении они добивались государственной легализации секты и запрещения православному духовенству вмешиваться в ее внутренние дела. Губернатор первым долгом обратился в полицию, которая «донесла губернатору, что в числе притязателей находятся на службе по выборам от градского общества купец Федор Малин, в тамбовской палате уголовного суда заседателем, мещане Иван Попов в Градской Думе гласным и Егор Опарин ценовщик...»²⁷ Стремление к государственной легализации секты, высказанное крупным купечеством и его доверенными и признанными представителями, само собой разумеется, предполагало ограничение расхождений, существовавших между религиозными взглядами молоканства и официальной доктриной православия.

Н. Варадинов, показавший себя вдумчивым исследователем архивной документации по старообрядчеству и сектантству, хранившимся в министерстве внутренних дел и относившимся к первой половине XIX в., пришел к знаменательному выводу: «Молокане Тамбова хотя и остались верными своему учению и распространяли его постепенно, но сделались гораздо осторожнее в своих действиях; многие из них, особенно купеческого звания, начали исполнять обряды церкви и имели в домах своих иконы...»²⁸ Такова была линия купеческих элементов в молоканстве.

Противоположность им представляли крестьянские круги движения, не желавшие сворачивать идейных знамен оппозиции господствующей церкви и защищаемому ей строю. «Напротив,— продолжает Н. Варадинов,— молокане Рыбинского и Зарайского уездов Рязанской губернии числом около 500 человек обоего пола не принимали даже важнейших обрядов церкви, оказывали к ней полное отвращение и прямо исповедовали свою ересь»²⁹.

²⁵ «Полное Собрание Законов», т. XVII, стр. 327.

²⁶ «Собрание постановлений по части раскола». СПб., 1858, стр. 469.

²⁷ Ф. В. Ливанов. Указ. соч., т. IV, стр. 225.

²⁸ Н. Варадинов. Указ. соч., т. VIII, стр. 639 (разрядка наша.— А. К.).

²⁹ Там же.

В то время как христововеры еще поддерживали единство своих общин на основе традиций Данилы Филиппова, Суслова и Лупкина, а духоборы стягивались партией за партией на Молочные Воды в надежде в стороне от государственных и церковных властей осуществить свои религиозно-социальные идеалы, в молоканстве обнаружилась тенденция к конституированию своего движения на буржуазно-церковных началах и его государственной легализации на этой основе. Ценой каких уступок верхи молоканского движения добивались поставить свою секту под охраняющую сень государственного закона, показывает обращение молоканского пресвитера Дирина из станицы Михайловской Области Войска Донского к Александру I. Дирин в прошении на «высочайшее имя», поданном в 1811 г., называл себя доверенным всех молоканских общин Области Войска Донского. Он подтверждал верность престолу, согласие на принятие присяги и признавал «необходимость таинств», принятых в православной церкви³⁰.

Это была платформа молокан, образовавших так называемый донской толк, в котором руководящая роль принадлежала представителям казацкой старшины и зажиточного казачества. Многие из них имели офицерские чины сотников и есаулов. Никакой иной платформы, сколько-нибудь значительно отличавшейся от поданной Дириным, не могли иметь и тамбовские молокане, просившие губернатора легализовать их общество.

В начале XIX в. повсеместно намечается тенденция буржуазных верхов молоканства прийти к соглашению с самодержавием путем поддержки существующего строя и приспособления молоканского вероучения к православию. Эта тенденция не только выражала монархические симпатии крупнособственных элементов молоканства, но и их борьбу за свои экономические интересы, страдавшие от дискrimинации, которой подвергалась их торговая и промышленная деятельность.

И в том, и в другом отношениях весьма показательно обращение руководителя самарских молокан купца Акинфия Грачева, поданное около 1814 г. Бенкендорфу: «С давнего времени, по преданиям предков, состою я в евангелическом христианском исповедании... творя молитвы во имя господа нашего Иисуса Христа за государя императора и святейший дом его и святейший правительственный синод (! — A. K.) по обряду древних христиан и спокойно с усердием исполняя государственные повинности и общественные обязанности до 60 лет жизни моей... я просил удостовериться в нашей религии и называть наше исповедание евангелическим...»³¹ И дальше: «Воззрите оком всемогущего на малого члена отечества, имеющего семейство в 11 душ мужского пола и затрудняемого в промышленности от стеснения полиции...»³² Грачев просил дозволения «именоваться свойственным названием христианина евангелического исповедания»³³.

Из всех сект, возникших в условиях противоречий крепостнического строя и выражавших оппозицию крепостничеству, именно в молоканстве впервые определилось течение, складывавшееся в буржуазно-протестантского типа церковь, готовую служить самодержавию.

Однако правительство Александра I оставило без внимания ходатайство буржуазных элементов молоканства. Обращения их лишь послужили поводом для усиления полицейского и церковного надзора за распространением молоканского учения. Это не снизило активности проповедников «евангелического исповедания», не без успеха распространявших в начале 20-х годов XIX в. свои идеи среди молокан, которых, подобно духоборам, правительство переселяло из Тамбовской, Воронежской, Самарской,

³⁰ Ф. В. Ливанов. Указ. соч., т. III, стр. 513—514.

³¹ Ф. В. Ливанов. Указ. соч., т. IV, стр. 421 (разрядка наша.— A. K.).

³² Там же (разрядка наша.— A. K.).

³³ Там же, стр. 422.

Астраханской и других губерний в Бердянский уезд Таврической губернии.

Пресвитер А. И. Стоялов из села Ново-Васильевка (Таврическая губерния), «казак, георгиевский кавалер», как он себя отрекомендовал в печати, писал в 1870 г. о донском толке: «Вероучение это можно, по всей справедливости, назвать вероучением евангелических христиан, а не молокан, как их называют в укор. И ни в коем случае его нельзя признавать вредным, как это делают православные, вероятно, не зная сути этого учения»³⁴. Стоялов недоумевал: «Зачем же этим духовным христианам благородное правительство не разрешит устраивать молитвенные дома со столами для книг и скамейками для сидения по их простому учению, так близко подходящему к простоте евангелия?»³⁵

Обращаясь к истории молоканства в 20-х годах XIX в., Стоялов сообщает ценные для исследователя данные о том, что молокане, державшиеся учения У克莱ина, «мечтали быть свободными от всяких внешних плотских обязательств, но при неудаче своих притязаний получить свободу принялись, по примеру донского толка, к поправке превратного учения статей, на которых У克莱ин основывал свои надежды»³⁶. Не встретив взаимности у правящих кругов, сторонники евангелического течения в молоканстве оставались при своих верноподданнических и религиозно-«умеренных» взглядах и всячески стремились расширить сферу их влияния. Этот факт показывает, что перед нами не простой пример монархического сервилизма буржуазных верхов молоканства, а продуманное и законченное выражение их классовых интересов. Именно своей законченностью евангелическое направление настораживало многих представителей буржуазных верхов молоканства, хотя и разделявших, с теми или иными оговорками, его политические симпатии и евангелическо-церковные тенденции, но опасавшихся оппозиции со стороны низов секты.

Молоканство — и в этом его главное отличие от духоборчества — явилось формой религиозной идеологии, отвечавшей интересам отчасти тех социальных элементов, которые стремились к положению самостоятельных товаропроизводителей, но главным образом тех, которые, пройдя этот этап, уже утвердились в качестве представителей буржуазных форм хозяйства.

Отсюда «умеренность» молокан, «трезвость» их не только по отношению к опьяняющей мистике христововеров, но и по отношению к религиозно-социальным утопиям, вдохновлявшим духоборов. Отсюда и их удовлетворение требованиями удешевления церкви, упрощения ее организации, церемониала, обрядностей. Отсюда, наконец, и отличающее молокан относительное равнодушие к различным формам общественной самодеятельности, имевшим место в христововерии и духоборчестве.

Всякого вида экономическая взаимопомощь, координация и регулирование, осуществляемые религиозной общиной по отношению к деятельности составляющих ее членов, хотя и сохранялись в молоканстве, но имели в нем второстепенное значение. Это и понятно: начала общественной самоорганизации, прослеживаемые в христововерии и более полно в духоборчестве, имели первоочередное значение для тех социальных элементов, которые стремились завоевать самостоятельное отношение к рынку, поднять производительность своих натуральных хозяйств и вывести их на путь товарно-денежных отношений. Параллельно ослабевала и заинтересованность этих элементов в формах общественной самоорганизации — координирующие и регулирующие функции религиозной общины становились для них обузой. Что это было так, показывает история

³⁴ А. И. Стоялов. Указ. соч., стр. 304.

³⁵ Там же, стр. 305.

³⁶ Там же, стр. 308 (разрядка наша.— А. К.).

христоверия и духоборчества на ее поздних этапах. Молоканство начинало с того, чем заканчивали христоверие и духоборчество.

В ходе исторического развития все больше выявляются черты различия между духоборством и молоканством, а идеальные начала, которые были им общи, относятся к поре 60—70-х годов XVIII в., когда эти течения дифференцировались из «духовного христианства».

Каковы были идеальные начала, которые дают основание считать духоборчество и молоканство родственными религиозно-общественными движениями? Мы обратимся к так называемому обряднику Уклейна, который, к сожалению, не дошел до нас в прямом авторском изложении.

«Основанием нравственной жизни истинного христианина,— читаем мы в обряднике,— должна быть совершенная свобода и независимость ни от каких человеческих законов и принуждений. Власть людей не должна быть над теми, в которых вселилось учение Христово. Мирские власти благодетельны на земле и постановляются богом, но постановляются только для сынов мира; а господь сказал о христианах: они не от мира, как и я не от мира... поэтому для духовных христиан, которые не от мира, мирские власти не нужны... исполняя заповеди божественные, они не имеют нужды в человеческих законах... которые противоречат учению слова божия. Так они должны избегать рабства помещикам, войны, военной службы, присяги как дел, не позволенных писанием. А как невозможно открыто противиться правительству и не исполнять его требований, то духовные христиане, подражая первым христианам, могут укрываться от него, а братья их по вере обязаны принимать и укрывать их...»³⁷.

Нетрудно убедиться, что, несмотря на оговорки о «благодетельности» мирскихластей, мы имеем в данном случае дело с религиозной теорией и санкцией пассивных способов сопротивления крепостническому государству и крепостникам, опробованных крестьянством в долговременном опыте классовой борьбы, выражавшейся, в частности, в побегах от феодалов. Но по мере того, как верхи молоканского движения отворачивались от демократических принципов раннего молоканства, а потом и вовсе порывали с ними, эти принципы сохраняли низы секты и дорожили ими, так как они отвечали их интересам. Это и было главное препятствие, вставшее на пути распространения проповедниками донского толка своего вероучения, в результате чего донской толк так и остался объединением меньшинства участников молоканского движения.

Двадцатые годы XIX в. явились временем острых религиозных споров между сторонниками донского толка и остальным молоканством. В молоканстве шло все более глубокое размежевание сторон: усиливалось влияние «донских» на буржуазные элементы молоканства, не решавшиеся открыто солидаризироваться с ними, и в то же время нарастала оппозиция низов секты как донскому толку, так и вообще руководящей верхушке молоканства. В начале 30-х годов XIX в. произошло открытое выступление рядовых участников движения против руководителей, отказавшихся от демократической идеологии и пытавшихся заключить движение в церковные формы с господством новоявленного «клира» над «миром», с предписыванием «миру» обязательных догм и норм мышления. Это выступление лишь положило начало открытым формам борьбы низов с верхами, продолжавшейся в течение всего XIX века и перешедшей в XX век.

В середине 30-х годов волнения охватили ряд молоканских поселений Самарской, Саратовской, Астраханской и Таврической губерний. Здесь появились «пророки», учившие о приблизившейся кончине мира, которую они изображали как возмездие «грешным» и преддверие тысячелетнего

³⁷ «Исторические сведения о молоканской секте». — «Православный собеседник», кн. третья. Казань, 1858, стр. 55—56.

царства «праведных». К разряду «грешных» были отнесены как те молокане, которые отказывались следовать учению, проповедовавшему «пророками», так и все представители нехристианских вер и вер «лжехристианских», как, например, православие.

Бежавший в Бессарабию из сибирской ссылки тамбовский молоканин Лукьян Соколов провозгласил наступление кончины мира в 1836 г. Он вел широкую проповедь среди молокан за переселение их к Аракату, чтобы там, среди «избранных», воздвигнуть «Новый Иерусалим». Аналогичную проповедь вел астраханский молоканин Терентий Белогуров, провозгласивший себя пророком Илиею. Среди молокан Таврической и Саратовской губерний имела отклик проповедь о тысячелетнем царстве «избранных», которую вел Федор Булгаков (известный среди молокан под именем Давида Евсеевича).

Успех хилиастической и эсхатологической проповедей среди рядовых молокан может быть правильно понят лишь на фоне общего подъема народного движения против крепостничества в начале 30-х годов XIX в. В центральных, южных и северных губерниях происходили народные волнения, которым правительственные инстанции дали название «холерных бунтов». Массовые выступления против помещиков происходили на Украине. С начала 40-х годов XIX в. среди государственных и помещичьих крестьян поднялась новая волна антикрепостнических выступлений, захватившая центральные губернии и Среднее Поволжье, в которых она проходила в форме так называемых картофельных бунтов. Тысячи крестьян Курской, Воронежской, Саратовской губерний, спасаясь от гнета крепостников, двинулись на Кавказ, на южные и юго-восточные окраины.

В стихийном переселенческом движении, явившемся одной из форм классовой борьбы против крепостничества, приняли участие представители бедных и средних слоев в молоканстве. Епископ Иаков, занимавший саратовскую кафедру в 1832—1847 гг., явился очевидцем этих событий. Он засвидетельствовал, что «в 1833 году между молоканами повсюду открылось сильное движение. Огромными обозами потянулись они из разных губерний на Кавказ... как будущие граждане имеющего открыться града господнего Иерусалима молокане шли в Новую землю с торжеством и веселием; нередко под открытым небом или во время самого шествия... они громогласно пели псалмы и разные духовные песни»³⁸. Между тем это было время, когда в крестьянстве шли смутные толки о воле, которая якобы будет дарована всем, переселяющимся на окраины. Епископ Иаков мог наблюдать, что и «православные крестьяне, среди которых жили молокане, были в волнении... Многие православные были так легковерны, что, принявши молоканскую ересь, оставляли родину и вместе со странствующими еретиками шли отыскивать новый Иерусалим»³⁹.

Эсхатологические и хилистические идеи, конечно, застилали глаза участникам нового движения, уводили их в сторону от главного направления классовой борьбы против крепостничества. Но как ни расходились пути участников «холерных бунтов», картофельных бунтов» 30—40-х годов XIX в. и современных им представителей религиозной формы социального протesta, те и другие были крестьянами, ненавидевшими крепостников и всякого рода эксплуататоров. Так или иначе, но проповедники «кончины мира», наступления «тысячелетнего царства» и тем более — «общности имуществ» считались с демократическими интересами своих последователей и по-своему выражали их.

Демократическое содержание проповеди идеологов нового движения в молоканстве принадлежит общей антикрепостнической борьбе

³⁸ Там же, стр. 301.

³⁹ Там же, стр. 352.

крестьянства, в отличие от всего, что в ней было сектантским и имело частное, ограниченное значение. Исследователь идеологии антидухоборческого движения крестьянства в первой половине XIX в. лишь обозначит его характеристику, если не примет во внимание и должным образом не оценит демократические мотивы, содержащиеся в проповедях и сочинениях религиозно-социальных обличителей, выступавших в 30—50-х годах XIX в., в частности, в среде молокан. Соратник Соколова и Булгакова, Максим Рудометкин, уроженец села Алгасово Моршанского уезда Тамбовской губернии, в посланиях из тюрьмы, обращенных к своим последователям, пророчествовал: «Помни всяк начало страшного суда божия, который вскоре внезапу падет на русского царя, яко же и тогда нечаянно пал на египетского царя Фараона... Вот почему я и смело указываю вам здесь ныне тот злейший фараонов пример — прямо на русского кровями пьяного царя»⁴⁰. Рудометкин предрекал «гибель» царю, «его проклятому потомству», которое «совокупно все погорит в небесном огне и сойдет все вместе прямо в горящее озеро, вкупе с пьяволом в вечную муку»⁴¹.

Он равно предупреждал верующих и неверующих, что «пробил одиннадцатый час небесного времени», что уже явились пророки (сам Рудометкин прежде всего), перед которыми «потрясется вся земля, а кольми паче зломрачная антихриста военная гордая партия, или прямее сказать богомерзкая бесчисленная его армия и равно тому же им подобные все богачи, городские жители купцы и дворяне и также следующие за ними все богоотступные ошуйные простяки миряне»⁴². В этой обстановке стали возможными и факты, когда молокане не отстались и от участия в общих крестьянских выступлениях, что в свое время привлекло сочувственное внимание А. И. Герцена⁴³. Так, в начале 40-х годов XIX в. молокане Попов и Аяферов стали видными участниками движения государственных крестьян в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии. Они, по мнению П. Г. Рындзюнского, «приналежали к тем вожакам движения, которые хотя и упорно выступали против властей, но старались действовать главным образом мирным путем...»⁴⁴.

Наибольшего размаха проповедь новых «пророков» достигла уже по месту молоканской колонизации, в Эриванской, Бакинской (Шемахинской), Елизаветпольской губерний. Образование религиозных партий в молоканстве имело место за полвека до того, как духоборческое движение раскололось на враждующие Большую и Малую партии. Глубокая социальная противоречивость, отличавшая молоканское движение, явилась основой для более раннего, чем это было в духоборчестве, проявления открытой борьбы между верхами и низами секты. Характерно, что религиозно-социальные лозунги, оформившие выступление молоканских низов, отчасти предвосхищали религиозно-социальные лозунги, объединившие во второй половине 80-х годов XIX в. сторонников Большой партии в духоборчестве.

В противовес насилиственной регламентации, которой молоканские верхи подвергали образ жизни и мысли рядовой массы верующих, объявившиеся среди молокан «пророки» выступили с обоснованием «духовной свободы», как неотъемлемо принадлежавшей верующим по «факту»

⁴⁰ М. Г. Рудометкин. Девятая книжка. «Дух и жизнь. Книга Солнце», стр. 451.

⁴¹ Там же.

⁴² М. Г. Рудометкин. Шестая книжка. «Дух и жизнь. Книга Солнце», стр. 343 (разрядка наша.—А. К.).

⁴³ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. III. М.—Л., 1919, стр. 322—323.

⁴⁴ П. Г. Рындзюнский. Движение государственных крестьян в Тамбовской губернии в 1842—1844 гг. «Исторические записки», т. 54, стр. 326.

сопствия на апостолов «святого духа» во время пятидесятницы. Они объявили непрерывным «излитие святого духа» на верующих, что послужило утверждению, что, якобы именно те, в ком обнаруживается действие «святого духа», и являются провозвестниками «божественной истины» в противоположность руководителям, у которых для проповеди «слова божия» давно «онемели» языки и «окаменели» сердца.

Проповеди «пророков», среди которых Соколов и Булгаков отличались особенным красноречием, разжигали у их последователей религиозный экстаз, подобно тому как в середине 90-х годов XIX в. религиозный экстаз охватывал последователей Веригина.

Известно, что во время казачьей экзекуции, учиненной 25 июня 1895 г. над духоборами селения Богдановка, их религиозная экзальтация достигла такой степени, что на одном из проплывавших облаков они «увидели» Веригина, благословлявшего их на подвиг. Чтобы не дать уменьшиться религиозной экзальтации в своей среде, духоборы прибегали к изнурительным постам и применяли всевозможные аскетические запреты. Именно в этой накаленной психологической атмосфере в среде последователей Большой партии происходили «дележ» имуществ и реорганизация строя жизни на основах апостольского «коммунизма».

Нечто подобное имело место еще в молоканстве. По словам «пророка» Булгакова, «в 1833 году оказалось ужасным явлением в наших братьях — сильное излитие духа святого, действовавшего чудесным образом многими людьми, вданными в волю божию. В то время был голод, но они установили общую сумму, пищу, одеяние и прочее, разделяя по нужде каждому. Многие прорицали о кончине века сего, скором страшном суде Христовом: что грешные все погибнут, а праведные останутся царствовать со Христом на земле тысячу лет»⁴⁵.

На смену «царству сатаны» на земле должно было утвердиться «царство божие», но какое? Каков тот порядок, который будет его отличать именно как «божие», т. е. идеальное по своему строю царство? Оппозиция реакционным верхам молоканства охватывала разные социальные элементы этой секты, и она-то разошлась в ответах на этот кардинальный вопрос. Мы приводили выше отрывок из сочинения Булгакова, из которого следует, что его современники, близкие ему по духу, имели общую кассу, распределяли пищу и одежду «по нужде каждого». Булгаков хочет сказать, что это была чисто практическая мера, связанная с тем, что «в то время был голод». Но в действительности среди молокан находились как принципиальные сторонники обобществления имуществ, труда, распределения, быта, так и принципиальные противники такого способа разрешения социальных противоречий. К числу последних принадлежал сам Булгаков, что не мешало ему пересыпать свои сочинения выпадами против алчности богачей и решительно заявить: «Приобретающий неправдою богатства есть лихоимец-идолослужитель»⁴⁶.

В неоднородном по составу участников движения Булгаков представлял интересы среднего слоя крестьян, страдавших от насилий крепостничества и церкви и экономической зависимости, в которую их ставили богатые, захватившие власть в молоканских общинах; в то же время эти крестьяне обладали собственностью и стремились отстоять свои интересы в борьбе с богачами.

Булгаков готовил своих последователей к вступлению в «царство божие», но описал его лишь в общих чертах. Он был поглощен борьбой с противодействующими течениями в молоканстве, а главное верил, что божие чудо совершиется прежде, чем он успеет поведать о нем бренным пером. Но когда 1836 год прошел и чудо не совершилось, «пророкам»

⁴⁵ Ф. О. Булгаков. Сионская книжка. «Дух и жизнь. Книга Солнце», стр. 80 (разрядка наша.—А. К.).

⁴⁶ Ф. О. Булгаков. Душевное зеркало. «Дух и жизнь. Книга Солнце», стр. 112.

оставалось пленять воображение верующих желаемыми ими образами грядущего царства.

Это сделал Рудометкин. Он изобразил в своих сочинениях картину «царства божьего», расположенного на квадрате земли, за пределами которого оставались «Гоги и Магоги» — «лжехристиане», «неверующие», все те, кто не последовал за его проповедью. В центре квадрата — город. Окруженный 12 дворцами и четырьмя башнями (каждое строение в три этажа) высится семиэтажный дворец, построенный из драгоценных камней, увенчанный чистого золота крышей, над которой неугасаемо горит огонь. Улицы града вымощены мрамором. Семиэтажный дворец был облюбован в качестве резиденции самим Рудометкиным, сочинившим себе титул «царя духов и вождя сионского народа». В трехэтажных дворцах, объединенных общей крышей, — резиденции 12 «царей-иереев», т. е. подчиненных Рудометкину священнослужителей, и 12 «князей-царедворцев»: царь есть царь! Впрочем, остальным духовноподданным Рудометкин также обещал дома, выстроенные «из древ фруктового леса и камней тепсаного мрамора».

Рудометкин не обошел и насущных нужд управляемого им в тысячелетнем царстве народа и даже позаботился одарить его предметами роскоши. Что касается последних, то они составляются как из драгоценностей, которые в виде дани поступят из царств, где властвуют «Гоги и Магоги», так и из золотой и серебряной утвари, которую «люди божьи» предусмотрительно вывезут из церквей перед тем, как переселиться в обетованную землю. Драгоценный металл «люди божьи» используют, «кому куда изволится; может быть, и подковы всех коней наших будут повсеместно золотые и серебряные». Для удовлетворения насущных нужд населения в царство Рудометкина пригнаны будут стада «всякого скота, коему не будет счету и числа», да и почва на обетованной земле будет неслыханно плодородной.

Но все же и здесь поля потребуют обработки, скот — ухода. Предстоит и всякого рода домашние заботы. Словом, «царь духов» встал перед проблемой организации труда в будущем царстве. И тогда он решил сделать милостивую уступку для магометан и на предмет эксплуатации поселить их в обетованной земле, правда, в черте оседлости — по ее четырем границам. «Они то самые (магометане.— А. К.), — писал Рудометкин, — будут слуги и кормители наши навсегда, также жены их будут служанки и кормилицы детей наших, всюду с поклонами им до земли»⁴⁷.

Сочинив проект «царства божия» на земле, Рудометкин в своей фантазии никуда не ушел за пределы общественных отношений, основанных на эксплуатации и насилии. Добавим, что он предусмотрел и меры наказания для тех, кто воспротивится установленным им порядкам. Меры были крутыми: «А иже кто воспротивится тому союзу нашему, то он погибнет либо изгнанием заграницу под мрак вечного заточения, или скоро скончается сам смертию «электрическо» солнца»⁴⁸.

Проект Рудометкина не столь фантастичен, каким он представляется на первый взгляд. Вспомним «Духоборию», уже давно существовавшую в то время, когда писал свои сочинения Рудометкин. Центром «обетованной земли Духобории», ее «Сионом», являлось село Горелое, где в каменном, хотя и всего только двухэтажном дворце, Сиротском доме, находилась резиденция Лукерьи Калмыковой, тоже своего рода «царицы духов и вождя сионского народа». Были у Калмыковой и «цари-иереи» — ее «старички» и «князья царедворцы» — Зубков, Воробьев, Веригин и прочие. Были в «Духобории» и хлебородные поля и бесчисленные стада и

⁴⁷ М. Г. Рудометкин. Шестая книжка. «Дух и жизнь. Книга Солнце», стр. 361.

⁴⁸ Там же, стр. 363.

при них «магометане» из числа духоборческой бедноты и магометане без кавычек из среды коренного окрестного населения — «слуги и кормилы» богатеев.

«Духобория» с ее социальными и бытовыми контрастами являлась земной пропой того «царства божия», которое Рудометкин избрал предметом своей апокалиптической поэмы.

В ожидании «чуда» группировавшиеся вокруг Соколова, Булгакова, Рудометкина их последователи поддерживали в своей среде состояние экстаза с помощью культа, отчасти повторявшего культовую практику христововеров, отчасти предвосхищавшего ритуал богослужебных собраний «христиан евангельской веры» — пятидесятников. Здесь были и пророчества под наитием «святого духа», и тарабарское «говорение на языках», и особый вид радений — одиночное и групповое прыгание — следствие религиозного возбуждения, которое верующие рассматривали как проявление действия «святого духа» в человеке.

Сторонники рассматриваемого течения в молоканстве называли себя «духовными христианами-прыгунами». Ценой перенапряжения нервной системы, на которую прыгуны воздействовали искусственными приемами, они приводили себя в патологическое состояние, когда, казалось им, они выступают из своих «телесных оболочек» и устремляют ввысь свои «духовные существа»⁴⁹. Так они торопили небо, медлившее ниспослать «царство божие», которое ослепительными красками рисовали им их вожди.

От прыгунского течения в молоканстве обратимся к другому течению, возглавленному крестьянами Евстигнеем Яковлевичем Галляевым и Михаилом Акиньевичем Поповым, и за которым установилось название секты Общих.

В распоряжении исследователя имеется весьма ограниченный круг источников, по которым возможно восстановить учение и историю Общих. Основным источником остаются опубликованные В. Толстым в 1864 г. сочинения Общих, характеризующие их учение⁵⁰.

Некоторым дополнением к публикациям Толстого служат полемические послания против Общих, написанные Ф. О. Булгаковым⁵¹. Большую ценность представляют наблюдения Н. Дингельштедта⁵², С. Максимова⁵³, Глеба Успенского⁵⁴, непосредственно знакомившихся (в разное время) с деятелями и участниками секты Общих, с ее экономическим укладом и бытом.

Эти наблюдения дополняют друг друга, поскольку их предметом являются одни и те же процессы, происходившие в среде Общих. В то же время наблюдения названных выше авторов относятся именно к тем формам общественного устройства, которые составляют предмет сочинений, опубликованных Толстым. Нет основания сомневаться в доброкачественности этих наблюдений как источника, при всем различии в их ракурсах и глубине характеристик.

Особняком стоят воспоминания и наблюдения, характеризующие среду Общих, написанные в 1914 г. Михаилом Саяпиным и опубликованные в первом и втором номерах «Ежемесячного журнала» за 1915 г.

⁴⁹ «...Если у Дарочичагских сионцев (прыгунов.—А. К.) слишком долго не являлся св. дух, то они стремились вызвать его подвижничеством. Они не принимали все ни пищи, ни воды по 4—5 дней» (Н. Д. Прыгуны. «Отечественные Записки», 1878, № 10, стр. 420).

⁵⁰ В. Толстой. Указ. соч., стр. 93 и сл.

⁵¹ Ф. О. Булгаков. Повести и молитвы. «Дух и жизнь. Книга Солнце», стр. 132—140.

⁵² Н. Дингельштедт. Указ. соч.

⁵³ С. Максимов. Указ. соч.

⁵⁴ Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1949, стр. 302 и сл.

Автор их родился и вырос в среде Общих и приходился внуком А. И. Саяпину, преемнику Попова на посту руководителя Общих. В течение ряда лет Михаил Саяпин преподавал в министерской школе в с. Николаевке — месте сосредоточения Общих,— но порвал с их учением, в то же время оставаясь глубоковерующим. У него скопился большой запас воспоминаний и наблюдений, и он хорошо был знаком с изустными преданиями Общих и их сочинениями.

Однако приемами научного исследования М. Саяпин не обладал. Преданиями он пользовался наравне с историческими свидетельствами, и его наблюдения и воспоминания не лишены стремления свести счеты со средой, к которой он в свое время принадлежал. С этим, как и с религиозно ограниченным кругозором автора, необходимо считаться, обращаясь к его сочинению как источнику сведений о секте Общих.

Начало деятельности основоположников Общих Галляева и Попова относится не позднее, чем к 1833 г., когда Галляев передал Попову сочинение под названием *Устав общего упования* (*Устав упования общего учения*)⁵⁵. Сочинение это представляло собой проект устройства жизни на началах обязательности труда и общности имуществ и, по мнению его авторов, возрождало пример жизни апостолов.

Михаил Попов подтвердил делом свои убеждения — распределил свое имущество среди бедноты и с большим успехом проповедовал новое учение в молоканских селах Заволжья. Молокане селений Тяглое озеро (в конце XVIII — начале XIX в. здесь проживало около 500 молокан) и Яблонный Овраг сплошь примкнули к учению Галляева и Попова.

Галляев и Попов действовали в обстановке экзальтации, охватившей молоканское, а отчасти и православное население в сельских местностях Саратовской и Самарской губерний, которому и они внушали мысль о непосредственной близости кончины мира. Препоясанный через плечо платком, Галляев обходил селения и, воздев нарисованное им изображение херувима, призывал: «Кайтесь, братие, приблизились дни последнего покаяния, а другого покаяния не будет»⁵⁶. Тем временем Попов распространял какое-то сочинение, составленное из евангельских текстов, и призывал крестьян подписываться под ним: перед лицом приближающегося суда божия имело смысл оформить свою принадлежность к обществу «верных». Что представляло собой это сочинение? Предполагаем, что это и был *Устав общего упования*⁵⁷.

Проповедь Галляева и Попова распространялась в атмосфере апокалиптических настроений, подогревалась ими и нуждалась в них. На столько ново было учение, распространяемое Галляевым и Поповым, к такому решительному отказу от всего существовавшего строя отношений призывало, что лишь в атмосфере, накаленной ожиданием чрезвычайных событий, оно могло получить живой отклик и собрать вокруг себя более или менее широкий круг последователей.

Но хилиазм и эсхатология в учении Галляева — Попова играли роль, весьма ичную от той, которую играли они в учениях Соколова, Булгакова и Удометкина. Последние упивали на чудо и ограничивались тем, что присыпали новых и новых adeptov к своему упнованию. Первые тоже надеялись на чудо, но это составляло как бы дальний план их учения, а на его переднем плане была вера в возможность и необходимость построения «земного Иерусалима», предвосхищавшего и приближавшего «небесный Иерусалим».

⁵⁵ В. Толстой. О великороссийских беспоповских расколах в Закавказье. Общие молокане. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1864, т. IV, стр. 93.

⁵⁶ Н. Варадинов. Указ, соч., кн. VIII, стр. 346.

⁵⁷ Там же, стр. 346—347.

Как понимал Попов соотношение между «Иерусалимом», который ему и его единомышленникам надлежало строить (таковой он называл «храминой», «убежищем», «станом спасения», «праведным селом»), и «небесным Иерусалимом», видно из его следующего послания: «Знают праведные,— писал Попов,— что они пребывают в убежище, в храмине, и храмина в них. Первая храмина — стан спасения, праведное село, вторая храмина — ваша душа. Обе эти храмины праведные соблюдают в чистоте и непорочности, как Невесту, ожидающую Жениха. Вот сойдет с облаков наш Жених, в нас внидет, а вместе с ним и Горний Иерусалим. Так небесность сочетается с земнотой, и всякая видимая наша плоть будет преображенна и освобождена от рабства тлению на тысячу лет. Наше земное обиталище будет благословлено и светом овеяно навсегда»⁵⁸.

В предвидении наступления тысячелетнего царства Христа Попов, подобно современным ему хилиастам, призывал к очищению от «скверны», но — и в этом оригинальность его учения — не только от «скверны» нравственных пороков, но и пороков общественного устройства прежде всего. И тысячелетнее царство, в представлениях Попова, было не царством идеальной добродетели, а идеальной проекцией Устава общего упования, его совершенным выражением и всеземным торжеством. Именно так в понимании Попова «небесность» сочеталась с «земнотой».

Охарактеризуем общественный и церковно-религиозный строй Общих, пользуясь главным образом Уставом общего упования.

Прием в общину, как и выход из нее, были добровольными. Желающий поступить в нее публично заявлял о согласии с принципами: 1) общности имуществ, 2) изравнения, 3) уважения коллективной воли — и подкреплял заявление передачей в общину принадлежавшего ему достояния. Специальная комиссия производила опись и оценку поступившего вклада. Выход из обчины был свободен, независимо от мотивов, лежавших в его основе; более того, Устав общего упования предусматривал для этого материальные гарантии. Оставлявшему общину выплачивался денежный пай. Размер его не соответствовал фактической стоимости вклада, который вносился при поступлении в общину. Оставлявшему общину выплачивался среднеарифметический пай, т. е. сумма, выражавшая собой отношение совокупной стоимости вступительных вкладов к числу членов обчины. Так как вступавшие приносили в общину не одинаковые по стоимости вклады, то фактические отклонения в ту или иную сторону от среднеарифметического пая выравнивались переписыванием излишков над ним на счета тех, у кого стоимость фактического вклада была ниже среднеарифметической. Но богатство, созданное трудом членов обчины, оставалось как неотчуждаемое достояние всех, кто продолжал ее дело.

Между тем и право на возврат фактической стоимости вклада сохранялось, по всей вероятности, для случаев, когда выход из обчины мотивировался не теми или иными конкретными обстоятельствами, а отказом от самого учения Общих.

Основная производственная единица в Уставе общего упования называлась партией и состояла из нескольких семейств, проживающих в одном доме. Так как брак считался нерасторжимым, то муж и жена не могли находиться в разных партиях. (В зависимости от вместительности дома партия состояла из 30—40—50 человек).⁵⁹ Партия одновременно составляла первичную религиозную организацию, называемую домашней церковью.

⁵⁸ Цит. по: Михаил Саяпин. Общие. «Ежемесячный журнал», 1915, № 1, стр. 67 (разрядка наша.— А. К.).

⁵⁹ Н. Дингельштедт. Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. СПб., 1885, стр. 46.

Партии каждого отдельного села образовывали соборную церковь. Недвижимое и движимое имущество, орудия и средства производства составляли совокупную собственность соборной церкви. Последняя закрепляла за каждой партией на правах пользования жилое помещение, хозяйственные постройки, орудия труда, производственный инвентарь, земельные, огородные, садовые участки, скот, мастерские, подсобные предприятия, мельницы и т. п. Имелся институт главных распорядителей, которые руководили работой нескольких партий. В свою очередь, главные распорядители были подчинены попечителю, во власти и ответственности которого находилась производственно-хозяйственная деятельность всех образующих соборную церковь партий. Трудовые доходы партий составляли так называемую Общую сумму. Часть Общей суммы, остающаяся после уплаты повинностей, податей, а также общих по селу расходов поступала в партии и распределялась между ее членами поровну, согласно числу душ.

Помимо основного денежного фонда — Общей суммы — существовала Столовая сумма — вспомогательный фонд, образующийся из добровольных приношений верующих. Этот фонд подлежал учету по приходно-расходным книгам. Он расходовался по простой заявке испытывающего нужду верующего. Полученная сумма подлежала возмещению, однако, без каких-либо процентов. Существовало своеобразное понятие о «духовном проценте». Верующий, получающий вспомоществование, обязан был отпоститься. При невозможности возвратить полученную сумму должник мог «покрыть» ее постом из расчета день поста за рубль долга. В зависимости от величины долга предусмотрена была возможность распределения требуемого с должника количества постных дней на группу верующих, при добровольном на то их согласии. Каждая партия возглавлялась распорядителем, называемым также домашним или земным распорядителем. Он отвечал за организацию и производительность труда членов партии, за выполнение заданий и величину доходов, поступающих от партии в Общую сумму.

Ежевечерне распорядитель, в соответствии с хозяйственным заданием, получаемым от чинов соборной церкви, давал производственную разнарядку членам своей партии с обязательным включением самого себя в рабочий наряд. Каждой партии присваивался порядковый номер, который не был постоянным и обозначал место, занимаемое ей на лестнице старшинства партий, составляющих данную соборную церковь. Старшинство партии определялось величиной доходов, вносимых ею в Общую сумму. Соответственно величине доходов партии присваивался порядковый номер: первый, второй, третий и т. д. Тот же принцип старшинства определял и положение соборных церквей, которые в зависимости от хозяйственного преуспеяния и получаемых доходов обозначались как первая, вторая и т. д. соборные церкви.

Наряду с распорядителем в партии имелись: 1) помощник распорядителя; 2) домашняя (или земная) распорядительница, разделяющая с распорядителем его функции по отношению к женщинам, состоящим в партии; 3) распорядительница над пищеи, отвечающая за производство предметов питания, их качество, количество и равное распределение среди членов партии; 4) всеобщая распорядительница, исполняющая функции кастелянши. Однако в ведении ее состояли только предметы женской одежды и обуви. Мужской одеждой и обувью ведал распорядитель партии. Вообще же верхнее платье, обувь, ткани для пошива одежды, домашняя утварь находились в совокупной собственности партии.

Пост распорядителя партии был сменяемым. Распорядитель, проявивший хорошие способности в организации труда подчиненных ему членов и обеспечивающий доходность вверенного ему хозяйства, получал повы-

шение, становясь главным распорядителем или даже попечителем. Напротив, нерадивый или неспособный распорядитель подвергался мерам морального воздействия, а в случае безуспешности таковых — отрещался от занимаемого поста.

При соборных церквях существовали школы с пятилетним курсом обучения, где преподавалось чтение, письмо, арифметика и пение. Обучение было обязательным для всех детей, мальчиков и девочек, достигших семилетнего возраста, и осуществлялось *совместно*. В летнее время занятия не проводились. Дети участвовали в выполнении производственных заданий. Они вместе собирались по праздникам для повторения материала, пройденного за учебный сезон.

Школа функционировала не только как учебное заведение, но и как организация учащихся с распределением между ними «чинов», соответствующих шкале церковного управления Общих. Таким образом, школа сочетала обучение с воспитанием учащихся в духе Устава общего упования, приучала их к предусмотренному в Уставе распорядку общественной и церковной жизни.

Расходы на учебные пособия и бумагу оплачивались из Общей суммы.

Как мы убедились, обобществление средств производства и орудий труда составляло основу общественного порядка, установленного в среде Общих. Но с этим сосуществовали и элементы частного хозяйствования. Так, например, женской половине населения, правда после окончания общественных работ, разрешалось заниматься мелким домашним производством, рассчитанным на сбыт,— прядением, ткачеством, рукоделием.

Допускалось, чтобы к членам общины поступали и становились их собственностью различные ценности от родственников, не придерживающихся учения Общих. Наконец, Столовая сумма являлась фондом, специально предназначенным обслуживать сферу частных интересов общинников.

Исключительно важное значение для всей жизни и деятельности общины имел ее церковный строй.

Хозяйственная администрация партий находилась под руководством и контролем церковной администрации, состоявшей из трех звеньев: администрации домашних церквей, над которой стояла администрация соборной церкви и высшего церковного управления, стоявшего над соборными церквами и представлявшего собой возглавляемый «царем общего упования» совет из 12 апостолов. Соборная церковь управлялась «чинами» — судьей, жертвеником, распорядителем, видителем, молитвенником, тайником, мысленником, словесником, членом. У чинов имелись помощники. Этот состав администрации характеризует прежде всего устройство соборной церкви, но и в пределах домашней церкви существовал примерно тот же состав «чинов». Чин судьи был главным. Судья контролировал и регулировал деятельность всех остальных чинов. Церковный распорядитель (домашней церкви) проверял деятельность распорядителя партии и его вспомогательного аппарата и при смещении распорядителя партии его слово, по-видимому, являлось решающим.

Чины соборной церкви были хранителями и распорядителями Общей суммы, которая не подлежала записи в учетные книги. Общая сумма непосредственно находилась в ведении распорядителя соборной церкви, но ее наличие проверялась вышестоящими чинами соборной церкви. Им же принадлежало право санкционировать способ употребления Общей суммы.

Система иерархии была чрезвычайно разветвленной и прорастала всю толщу участников секты. Даже ее рядовые участники исполняли хоть какие-нибудь, пусть и самые мелкие чиновные функции. Каждый верующий (по крайней мере угадывается такая тенденция) рассматривался как точка пересечения тех или иных линий в иерархической сети, охватывающей общину в целом. Такая система обеспечивала всеобщий взаимо-

контроль, нити которого сходились у судьи. Предусматривался не только контроль вышестоящих чинов за нижестоящими, что составляло, например, функции «членов», но и нижестоящих чинов за вышестоящими, что входило, например, в функции «видителей».

Чрезвычайно большое значение придавалось исповеди, принятие которой входило в функции «тайников». В то время как «тайникам» поверились проступки, в функции «мысленников» входили наблюдение за высказываниями и, более того, выяснение, не возникали ли в умах членов общин «грешные» помыслы. Всем вообще чинам вменялось в обязанность наблюдать за поведением, дисциплиной, взаимоотношениями верующих, вплоть до взаимоотношений сторон в браке. Над всеми членами общиной, чиновными и рядовыми, возвышался руководитель общиной, недаром называвшийся «царем Общего упования». Его авторитет и власть как лица, состоявшего в непосредственном и непрерывном общении с богом, считались божественными.

Элементом организационного укрепления общиной являлся установленный в ней распорядок религиозной жизни. В общине имелись специальные помещения (со скамейками для сидений) для религиозных собраний, в которых читалось и толковалось «священное писание» и специальную обученные певцы исполняли псалмы. Установлено было ежедневное четырехкратное моление верующих, заключавшееся всеобщим целованием, символизировавшим их братство. Наравне с приходо-расходными книгами, в которых фиксировалась операции по Столовой сумме, введена была письменная регистрация молений, постов, добрых поступков верующих, исполнения ими религиозных песнопений. Эти записи, по-видимому, оглашались публично во время религиозных собраний.

Не вдаваясь в детали религиозного учения и культа Общих, отметим, что они окрашивали всю сферу общественных интересов Общих и их бытовой уклад.

В учении о наступающем царстве «третьего завета» — «завета святого духа», вызывающем ассоциации с историко-теологической концепцией Иоахима Флорского, Попов придал исключительное значение откровениям и пророчествам. Способность верующего к мистической экзальтации высоко ценилась и открывала доступ к чинам.

Проповеди наиболее известных «прорицателей» записывались в книгу, составившую «Третий завет. Евангелие святого духа». Приведем характерный отрывок: «Доколе соблюдаются среди вас люди, ходящие в духе, причастные дарам духовным, не иссякнет и не ослабеет ваша радость в слезах и в весельи. Слушайтесь одарованных ваших и ходите путями, указанными ими. Берегите пророчествующих и мужей — виденцев»⁶⁰.

Религиозный культа Общих зафиксировал наружные проявления экстаза, в обстановке которого возникло движение, чтобы по ним, так сказать, в порядке условного рефлекса, вновь и вновь возбуждать экстаз.

По прошествии полувека со времени возникновения секты Общих очевидец наблюдал: «Общие работы происходили с пением рыдающих псалмов, прерывались плачем о погибающем мире. Плач сменялся бурной радостью о своем спасении... раздавались лиющие песни, на «одаренных» сходил дух, начинались пророчествования, говорения на языках.... люди смеялись в восторге, обливались слезами, пели, притоптывали, размахивали руками и целовались, как пьяные. Вот картина моления «общих», стоявшая перед моими глазами с раннего детства»⁶¹.

Подведем итоги изложенным фактическим данным, характеризующим учение Общих.

⁶⁰ М. Саяпин. Указ. соч., стр. 67.

⁶¹ Там же, стр. 68.

Основные принципы, выраженные в Уставе общего упования, возникли на почве протesta низов против крепостного гнета и явлений нарастающего расслоения. Они лежат в русле идей утопического социализма. «Это был настоящий фаланстер,— писал о коммуне Общих Н. М. Никольский,— который привел бы в восхищение самого Фурье»⁶².

В условиях, когда для реализации учения Общих не существовало объективных возможностей, ограниченность материального базиса не могла не препятствовать их социальным начинаниям на каждом шагу. Попыткой преодолеть именно это противоречие отмечена организация власти у Общих: предельно разветвленная многоступенчатая надстройка словно предназначалась для того, чтобы на себе нести базис.

Это была несостоятельная попытка. В свою очередь, мистическая экзальтация в качестве средства поддержать солидарность Общих не могдала дать продолжительного эффекта. То и другое не выдержали испытания временем.

Около 1840 г. Попов, Галляев и их соратники за свою деятельность были высланы из Саратовской губернии и поселены в Ленкоранском уезде Бакинской губернии. На новом месте Попов сразу же организовал небольшую коммуну и возглавил ее. Но это являлось продолжением опыта, начало которому положено было на старом месте деятельности Попова. Когда саратовские приверженцы Попова направили к нему ходока, последний в письме, посланном на родину, сообщал о коммуне Попова не как о его новом начинании, а как о свидетельстве его верности старому делу, которую не поколебали никакие испытания.

Вот что писал ходок: «Живут то наши старики в одной избе, все тринадцать вместе; завели трех лошадей... на них и землю пашут по очереди, но все вместе. Живут крепко-нужно, а расходиться не думают: лучше де в сырую землю от беды ляжем, а общего нашего дела рушить не станем. Михайло Акиньич (Попов.—А. К.) правит ими... Больно тяжело житье старииков наших, а поглядеть на ихнее дело — расставаться не хочется; все по вере и по закону нашему... Кроме такого житья и желать не надо»⁶³.

Коммуна Общих функционировала в Саратовской губернии в соответствии с Уставом общего упования: в числе сосланных в Бакинскую губернию был некто И. А. Саяпин, состоявший в звании распорядителя, а еще шесть человек, фамилии которых нам неизвестны, были его помощниками⁶⁴. Напомним, что в функции распорядителя входило руководство первичным производственным коллективом — партией. Наличие же у Саяпина шести помощников делает весьма вероятным предположение, что он находился в звании главного распорядителя, т. е. возглавлял руководство несколькими производственными коллективами.

Маленькая община разрасталась как за счет прибывавших к Попову саратовских последователей, так и за счет последователей Соколова и Булгакова, которым последний вынужден был внушать «несоответствие» Устава общего упования — «Писанию». Среди сторонников Булгакова начинался разброд. «Вы начали духом,— обращался к ним Булгаков,— а кончаете плотию: говорите: мы Михаила Акиньевича (Попова.—А. К.), другие Семенушкины (Семена У克莱ина.—А. К.), а иные — мы Исаи Ивановича и Лукьяна Петровича (Соколова.—А. К.). Кто Михаил (Попов.—А. К.) и другие? Они только служители»⁶⁵.

Камнем преткновения в расхождениях Булгакова с Общими являлся основной принцип последних — общественная собственность. Булгаков

⁶² Н. М. Никольский. Указ. соч., стр. 206.

⁶³ С. Максимов. Указ. соч., стр. 12 (разрядка наша.—А. К.).

⁶⁴ М. Саяпин. Указ. соч., стр. 69.

⁶⁵ Ф. О. Булгаков. Повести и молитвы. «Дух и жизнь. Книга Солнце», стр. 137.

писал, полемизируя с Общими: «Об общественном имении взглянем на Авраама, отца нашего, как он с Лотом разделился, а божественного приказания о том нигде нет, ни в законе и заповедях, ни в Иоанном завете... Ныне желаю вам и себе идти необходимо правилами священного писания, не возлагать на себя самовольно ангельского служения и тяготы, не требуемых от нас божиим законом»⁶⁶.

Вскоре вокруг Попова собралась община, население которой размещалось уже в десяти избах, и она продолжала расти. Тогда последовал очередной удар со стороны правительственныех властей. В 1844 г. Попов был сослан в Восточную Сибирь и поселен в деревне около Минусинска. Это было тяжелое испытание для Общих. Правда, в молоканском селе Воронцовка оставался Галляев, пользовавшийся влиянием среди Общих. Еще важнее были связи, которые установились между ними и Половым. С места ссылки Попов посыпал Общим послания, а время от времени и Столовые деньги; иногда это были суммы, превышавшие 100 руб.

Вести, приходившие из Ленкоранского уезда, где находились единомышленники Попова (селения Николаевка, Андреевка), вряд ли могли радовать его. Правда, единомышленников у Попова было немало. В 1854 г. в Ленкоранском уезде их насчитывалось 645. (Около 200 последователей Попова насчитывалось в Саратовской губернии, а также в местах ссылки в Енисейской и Томской губерниях⁶⁷.) Но это были уже не те люди, которые предпочитали «лучше в сырую землю от беды лечь», чем порушить «общее дело», как писал в свое время ходок о горстке зачинателей коммуны. Среди Общих шла и углублялась социально-имущественная дифференциация, приведшая к разделению их на состоящий из рядовых верующих круг «земных» и противостоящий ему круг «небесных», составленный «чинами». Последние не только властвовали над «земными», но и присваивали их труд. Существовал еще и круг «преисподних», как назывались отлученные от церкви лица⁶⁸. Такой ход эволюции объясняется, конечно, не тем, что община лишилась своего основателя и руководителя.

Коммуна Общих отнюдь не стояла вне окружающих общественных связей и в первую очередь связей денежных. Ее хозяйство не было замкнутым и натуральным. Основной и вспомогательный фонды коммуны — Общая и Столовая суммы — были денежными. Торговые, ссудно-кредитные, арендные операции от лица коммуны совершали ее руководители. Но, как мы уже отмечали, не возбранялось, хотя и в ограниченных размерах, участие и рядовых общинников в товарно-денежных связях. Все эти связи питали собственнические интересы и прежде всего у тех элементов, которые по своему положению в коммуне имели доступ к общественным благам и могли в большей степени связывать перспективы своего материального преуспеяния с обладанием частной собственностью, нежели с верностью принципам общности имуществ. Образовывался порочный круг: для поддержания начал общности имуществ и коллективных форм труда в тех объективных условиях, в которых существовала коммуна, она нуждалась в иерархии, но иерархия по мере хозяйственного развития коммуны охладевала к принципам общности имуществ, проникалась частнособственническими интересами и постепенно вырождалась в паразитирующий на труде общинников слой.

С. Максимову, посетившему молоканские поселения Ленкоранского уезда в середине 60-х годов, старые молокане, делясь воспоминаниями, имевшими к тому времени уже 25—30-летнюю давность, рассказывали:

⁶⁶ Ф. О. Булгаков. Повести и молитвы. «Дух и жизнь. Книга Солнце», стр. 133 (разрядка наша.—А. К.).

⁶⁷ Н. Дингельштедт. Указ. соч., стр. 55.

⁶⁸ М. Саяпин. Указ. соч., стр. 68.

«Еще при нем (Попове.— А. К.) у них мало ладилось дело: работали здоровые, да были голы и нищи; старички лежали на боку, припрятывали да копили деньжонки. Одни командуют, а дела не поправляют, другие, что волы, на старичков воду возят. Стали серчать и кучиться. Впервые у них тут дело не вышло: погорячились некстати. Решили разойтись, жить особняком своим домом: наладились»⁶⁹. В этих воспоминаниях не обошлось и без преувеличений,— вспоминали-то все-таки молокане враждебного Попову направления,— но само явление ими подмечено верно⁷⁰.

Параллельно тому, как товарно-денежные связи разлагали коммуну, обострялись и отношения ее с местным населением. По инициативе руководителей Общие вступили на путь земельных захватов, подобно тому, как это делали закавказские духоборы. И. А. Саягин, возглавивший в чине судьи коммуну Общих (в 1860 г.?), дал приказание общинникам «запахать большой участок татарской земли. Доселе мирные татары... взялись за дубины; произошло первое побоище, но победили русские... они соблюдали военный строй, и командовал ими сам судия (Саягин.— А. К.). В этом побоище было насмерть убито трое русских, около двух десятков татар, не говоря уже об изувеченных. И никакие хлопоты татарам не помогли: рисовые плантации и пахотная земля остались за русскими»¹.

Подобного рода вылазки неоднократно повторялись.

В начале 60-х годов организация Общих, которой основывали ее Попов и Галляев, распалась.

Из начинаний Попова его последователи сохранили лишь кассу взаимного мелкого кредита — Столовую сумму, некогда игравшую в коммуне второстепенную роль. Былые коммунары продолжали называться «Общими», но вели частные хозяйства, и имевшаяся у них общая касса рассчитана была именно на оказание поддержки индивидуальным хозяевам. Если прежде источником образования и пополнения Столовой суммы служили добровольные приношения («жертвы») верующих, то теперь Столовая сумма образовывалась путем обязательной десятины доходов, которую Общие должны были вносить в денежной или натуральной форме. С. Максимову, посетившему Общих, последние разъясняли: «...правила наши таковы, чтобы крепче держаться друг друга: десятый рубль из прибыли общий. Десятый пуд из умолотого хлеба тоже общий. Сто пудов умолоту — десять общих, тысяча пудов в прибыли у кого — сто пудов ссыпай в общий амбар, который сам Михайло Акиньич построил»⁷¹. Установленная среди Общих десятина, естественно, позволяла пополнять кассу суммами, превышавшими те, которые могли составляться добровольными приношениями. При этих условиях деятельность кассы могла и выходить за пределы мелкого кредита — вряд ли в нем были заинтересованы такие вкладчики, которые вносили в кассу до сотни пудов зерна.

Склад общественного богатства, построенный руками Михаила Попова, сделался местом операций, имевших назначение содействовать развитию частной собственности; он был уменьшенным подобием духоборского Сиротского дома. С. Максимов писал: «Помощь идет без разбора и достаточному и бедному... Вместо банка оказался кошелек, который на важные случаи общественных нужд пуст и безгласен»⁷². Но и в этом своем виде дело, основанное Поповым, продолжало оставаться центром притяжения для его последователей, стремившихся из разных пунктов Закавказья в свою «Мекку» — селение Николаевку — и добивавшихся от

⁶⁹ С. Максимов. Указ. соч., стр. 20.

⁷⁰ Неоднократно упоминавшийся Булгаков в ряде посланий, написанных между 1843—1845 гг. и адресованных Общим, обличает тунеядство и властолюбие их церковной иерархии (см. Булгаков, Указ. соч., стр. 132—141).

⁷¹ С. Максимов. Указ. соч., стр. 17.

⁷² Там же, стр. 23.

властей разрешения «всем закавказским Общим поселиться в одном месте»⁷³.

В начале 80-х годов Николаевку посетил Глеб Успенский. Понятен интерес, проявленный им к Общим, о которых он писал, что «секта эта действительно удивительная»⁷⁴. Успенский встретился в Николаевке со стариками, лично знавшими Попова «в период самых подлинных коммунистических порядков — общественных работ, общественных столовых, общественного имущества»⁷⁵. Как контрастировало с этим проиным все то, что пришлось увидеть Успенскому! «В настоящее время Николаевка довольно большая деревня,— писал он,— далеко не напоминающая того фланкера, который, как кажется, грезился основателю ее. Есть здесь и богатые дома, есть и бедные, есть и лачуги. «Равнения» в средствах жизни и достатке уж нет. Нет ни общественных столовых, ни общественных работ: всякий работает на себя по силам, какие есть в его семействе»⁷⁶. Из общественных учреждений Успенский застал «Столовый» фонд с хлебным амбаром⁷⁷. Успенского потрясла встреча с И. А. Саяпиным: преданный стяжанию руководитель Общих сетовал на либерализм... казенного старосты, к власти которого он прибегал для физического наказания тех или иных провинившихся верующих⁷⁸.

Несмотря на то, что секта Общих не столько существовала, сколько влачила существование, число ее участников со временем даже несколько возросло.

К 1909 г. число Общих в Ленкоранском уезде составляло 958 человек⁷⁹ против 654 в 1854 г. В 1910 г. синодальные власти, все еще под впечатлением недавних революционных лет, доносили о секте Общих в министерство внутренних дел: «Рационалистическое же сектантство... заражено идеями космополитизма, а некоторые из отдельных рационалистических сект, как, например, секта общих или общего упования,— даже идеями социалистических и коммунистических учений Запада...»⁸⁰.

Но эта характеристика уже очень давно не имела с действительностью ничего общего. Не нужно было обладать никакой проницательностью, чтобы заключить, как сделал это в своей статье М. Саяпин: «...Описывать жизнь Общих за последние десять лет (1904—1914 гг.— А. К.), жизнь, которая прошла на моих глазах — и очень трудно, и очень не интересно: почти все время придется копаться в мелочах и в дрязгах, которыми только и живут эти отрезвившиеся экстатики... Николаевка теперь тихая заводь, где погибает все жизненное...»⁸¹.

Так секта общих завершила круг своего развития.

Но вернемся к прыгунскому течению в молоканстве.

Мы уже отмечали, что идеологи прыгунства, как, например, Булгаков, с самого начала заняли отрицательную позицию по отношению к движению, возглавленному Поповым. Преемник Булгакова — Максим Рудометкин, как это видно по его проекту «царства божия» на земле, придерживался взглядов, противоположных учению Попова. Однако проповедь его имела большой успех. В предреформенные годы она увлекла за собой множество молокан. Так, например, среди молокан Эриванской губернии во второй половине 50-х годов более 50% стали последователями Рудометкина⁸². Проповедуемое им «царство божие», имевшее быть

⁷³ С. Максимов, Указ. соч., стр. 12.

⁷⁴ Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 302.

⁷⁵ Там же, стр. 304.

⁷⁶ Там же, стр. 305.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, стр. 308—309.

⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 133, ед. хр. 21, лл. 294—296.

⁸⁰ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 190, ед. хр. 146а, л. 81.

⁸¹ М. Саяпин. Общие. «Ежемесячный журнал», 1915, № 2, стр. 69.

⁸² А. Ф. Лайстер. Прыгуны в Закавказье. Эривань, 1912, стр. 9.

где-то возве Аарата, его проклятия по адресу «русского, кровьми пьяного царя» по-своему отражали назревавшую в конце 50-х — начале 60-х годов в России революционную ситуацию: ее признаками являлись и крестьянские волнения 1855 г. в Киевщине, и повальное переселение в 1856 г. крестьян Екатеринославщины и Херсонщины в Крым в надежде получить там «землю» и «волю», и вооруженное восстание грузинских крестьян в 1857 г., и усилившееся революционно-демократическое движение.

Но уже к началу 70-х годов идеология последователей Рудометкина претерпела большие изменения. В глазах его ближайших преемников Александр II был не «кровьми пьяным», а «благословенным» царем. При посещении Александром II Тифлиса в 1871 г. ленкоранские прыгуны, соседи последователей Попова, готовились преподнести императору приветственные стихи:

«О великий наш царь,
Всемилостивейший государь,
Славно-могучий герой,
Государь Александр второй!
В России крестьян освободил
И повсеместно не забыл»⁸³.

Социальной фигурой, на которую ориентировалось прыгунство, был достаточный крестьянин, отстаивавший права на «поля и посевы», «житницы с хлебом», «хороший рабочий и домашний скот» перед крепостниками и защищавший хозяйственную самостоятельность от покушений богатеев, составлявших верхи молоканского движения.

В прыгунских стихах 1871 г. выражено раболение перед монархом, стремление снискать милостивое внимание с его стороны. Дело в том, что в прыгунстве к этому времени появились свои верхи, конкурировавшие в зажиточности с руководящими кругами других течений в молоканстве.

К концу XIX — началу XX в. среди прыгунов имелся слой крупных собственников — владельцев табунов, стад, зерновых хозяйств. Развивалась борьба между низами и верхами, в которой верхи опирались на поддержку правительственной администрации, как это происходило и во время борьбы между Малой и Большой партиями в духоборчестве. Внутренняя борьба в прыгунстве имела идеологическое оформление: верхи все больше отставали от мистико-экстатических мотивов, под знаком которых в свое время прыгунство выделилось как особое течение в молоканстве. Что касается низов, то они не только настаивали на прежних традициях, но и выступали с оппозицией солдатчине, открыто демонстрировали враждебное отношение к милитаризму.

В условиях столкновений как с собственными руководителями, так и с самодержавными властями рядовые участники прыгунства, стимулированные примером духоборов, стали готовиться к эмиграции из России. В ход была пущена версия о якобы предсказанием Рудометкиным «поехде в убежище» его последователей на рубеже XIX—XX вв. Прыгуны, распространившиеся к этому времени в губерниях Эриванской, Бакинской, Тифлиской, Елизаветпольской, в Карабской и Закаспийской областях, начиная с 1900 г., стали ходоков и направляли письменные прошения в Петербург, добиваясь разрешения на выезд за границу. К этим ходатайствам присоединялись и некоторые молокане, не принадлежавшие к прыгунскому направлению. В течение 1901—1911 гг. свыше 3500 прыгунов эмигрировали в Калифорнию. Основная эмиграция прыгунов шла из Карабской области, Эриванской губернии и Закаспийской области. Это в основном были «сельскохозяйственные труженики — хлебопашцы, скот

⁸³ Н. Д. Прыгуны, стр. 410.

товоры и мастеровые, любящие труд и избегающие праздности и наживы легкими промыслами»⁸⁴.

А. Ф. Лайстер, опубликовавший в 1912 г. работу о закавказских прыгунах, основанную на данных непосредственных наблюдений, писал: «...я часто бывал в селениях, сохранивших еще остатки прыгунства и неоднократно посещал прыгунские молитвенные собрания. Они теперь проходят все без «духа»... и мало чем отличаются от молоканских»⁸⁵. И дальше: «В настоящее время их (прыгунов.— А. К.) в Эриванской губернии насчитывается не более 600 душ обоего пола. Хозяйственность и зажиточность, в которой они живут в настоящее время, забыв рудометкинский призыв жить «подобно птицам небесным», резко выделяют их, равно как и других сектантов Эриванской губернии... из среды туземного крестьянского населения»⁸⁶.

Чтобы закончить обзор основных течений, образовавшихся в молоканстве со времени его возникновения в 70-х годах XVIII в. по 30-е годы XIX в., упомянем о толке молокан, основоположенном саратовским последователем У克莱на Сундуковым и получившим название молокан-субботников. Этот толк ввел чествование субботы, придерживался ветхозаветных пищевых запретов и в отношении своего вероучения представлял собой промежуточную форму между молоканством и субботничеством.

Итак, к 30-м годам XIX в. обозначились внутренние противоречия во всех направлениях русского сектантства — христововерии, духоборчестве, молоканстве. Они явились следствием социального расслоения, происходившего в крестьянстве, поставлявшего основные кадры сектантства. Но ни духоборчество, ни христововерие, никакие иные формы сектантства не дают столь раннего и яркого примера внутренних противоречий и происходивших на этой почве расколов, как молоканство, разбившееся уже в первой половине XIX в. на донской, субботнический, прыгунский, «общий» толки.

Ни один из названных толков не являлся в молоканстве ведущим и преобладающим. Медленно размываемая разнообразными толками основная масса молокан продолжала и в течение второй половины XIX в. придерживаться главных вероисповедных положений Семена У克莱на. После выделения из молоканства ряда толков, в особенности же после того, как в результате проповедей Соколова, Булгакова и Рудометкина значительный контингент молокан ушел в прыгунство, остававшееся большинство молокан (в первую очередь проживавших в Закавказье) стало называться постоянными молоканами.

2. Экономическое развитие и социальные противоречия в молоканских поселениях

Из всех движений, составляющих русское сектантство, молоканство было наиболее многочисленным. Лишь в первом десятилетии XX в., когда молоканство явно находилось на ущербе, с ним сравнялся баптизм, если иметь при этом в виду совокупность всех его течений и разновидностей.

Наиболее широким являлось и географическое распространение молоканства. В работе «Сектантство и старообрядчество в первой половине XIX века» В. Д. Бонч-Бруевич писал: «Распространение молокан в первой половине XIX в. было огромно. Они не только заселили Ставропольскую губернию, не только жили в Крыму, но также жили целыми поселениями в Тамбовской, Воронежской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерниях; переселялись в большом количестве в Сибирь, Закав-

⁸⁴ «Дух и жизнь. Книга Солнце», стр. 753.

⁸⁵ А. Ф. Лайстер. Указ. соч., стр. 14.

⁸⁶ Там же, стр. 17—18.

каве, Среднюю Азию, на самые отдаленные восточные окраины государства Российского и везде и всюду страстно проповедовали свое учение»⁶⁷.

Изучая причины широкого распространения молоканства уже в первой половине XIX в. (продолжавшегося и во второй половине XIX в.), следует отметить то общее, что относится к причинам распространения и многих иных сектантских движений.

Молоканство возникло и развивалось как одна из религиозных форм социального протesta, направленного против господствующей церкви, самодержавия, крепостничества, чем и объясняется успех молоканской проповеди. Но мы убедились в том, сколь сложной и противоречивой являлась сама эта оппозиция, раскололвшаяся уже в первой половине XIX в. на толки, соответственно интересам разнородных социальных групп, участвовавших в молоканстве.

Распространению молоканства из его исконного очага — центрально-черноземных губерний — в губернии Поволжья, а также на южные, восточные и дальневосточные окраины государства, в свою очередь, способствовала система церковно-полицейской травли, которой молокане подвергались так же, как и христововеры, духоборы и прочие сектанты. Эта система церковно-правительственных преследований включала и групповые принудительные высылки молокан из центральных и поволжских губерний на окраины. Но в географическом распространении молоканства играла важную роль еще одна причина, действие которой прослеживается в истории этой секты значительно сильнее, чем в истории христововерия и духоборчества (это было связано с особенностями социального состава и характера молоканства). Среди участников молоканства на протяжении всего XIX и начала XX в. имело место широкое миграционное движение. По данным (заниженным) официальной статистики, к концу первого десятилетия XX в. число молокан в губерниях центра достигало 13 400 человек (Тамбовская, Воронежская, Рязанская, Владимирская), в Поволжских губерниях — 28 400 (Самарская, Саратовская, Астраханская, Нижегородская, Симбирская), на Кавказе — 21 300 (Тифлисская, Эриванская, Карская область), наконец, на Дальнем Востоке — 28 400 человек (Амурская область)^{67a}. Мы сталкиваемся с фактом перебазирования основных центров молоканства в Поволжье, а оттуда на Кавказ и Дальний Восток. Что касается поволжских губерний, то распространение в них молоканства объясняется как успехами его проповедников, деятельно распространявших свое учение в селах и городах этих губерний, среди коренного населения, отходящего от православия, так и переселениями сюда тамбовских, воронежских, рязанских молокан, которое началось уже в 80-х годах XVIII в.

В Кавказских губерниях, а равно и Амурской области, где к началу XX в. сосредоточилось не менее половины всех последователей молоканства, коренное население, придерживавшееся нехристианских религий, более чем умеренно откликалось на проповедь молоканства, как и безответной оставалась эта проповедь среди духоборов, субботников, христововеров, других сектантов, населявших соседние с молоканами деревни в губерниях Кавказа и Дальнего Востока.

Насильственные переселения молокан в названные губернии не были столь многочисленны, чтобы подвести нас к вышеупомянутым статистическим данным, хотя бы мы и приняли во внимание наиболее оптимальный процент естественного прироста молоканского населения. Мы имеем дело с относительно широким переселенческим движением, русло которого имеет совершенно определенное направление: молокане переселялись из губерний, в которых их земельные участки составляли в среднем не

⁶⁷ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. I, стр. 295.

^{67a} Мы суммируем данные статистики министерства внутренних дел на 1909 г. (ГИАД, ф. 821, оп. 133, д. 21, л. 386).

более 15 дес., в губернии Поволжья, где они могли получить участки в 30 дес., а оттуда в Амурскую область, открывавшую молоканским хозяевам перспективу иметь 100-десятинные участки. Эти же соображения влекли молокан в кавказские губернии (например, среди молокан села Воронцовка Борчалинского уезда Тифлисской губернии в 80-х годах XIX в. имелось немало собственников, владевших участками от 200 до 350 дес.), кроме того, они рассчитывали найти здесь благоприятные условия для ведения крупных овцеводческих хозяйств.

Конечно, в миграционный поток, направлявшийся в Поволжье, на Кавказ, Дальний Восток, включалась и молоканская беднота, страдавшая от эксплуатации и малоземелья и связывавшая с переселенчеством надежды на улучшение своего экономического положения. Эти надежды, как правило, не оправдывались, и уделом молоканской бедноты и на новых местах оставались чаще всего малоземелье и эксплуатация. Переселению рядовых молокан на новые земли «способствовали» и наиболее крупные собственники из молокан. Перебазирование крупных хозяйств на новые места не имело никакого смысла для их владельцев. Они предпочитали расширять свои хозяйства на старых местах за счет прирезки окружавших их земельных участков рядовых молокан, предлагая последним кредит для переселения на окраины, разумеется, на кабальных условиях.

Мы воспользуемся сохранившейся характеристикой молоканских хозяйств в Таврической губернии, относящейся к исходу 60-х годов XIX в.: «...в овцеводстве они (молокане.—*A. K.*) достигли поразительных успехов. Стада многих из них... поведены по правилам разумного улучшения породы. Так братья Мазаевы, у которых до 30000 овец, Захаровы, Ивановы, Мамонтовы и многие другие имеют вообще многошерстных хорошего строя мериносовых овец и от 6000 до 15000 голов»⁸⁸. Крупные скотовладельцы — родоначальники знаменитых в молоканстве династий Мазаевых, Захаровых и другие испытывали нужду в расширении пастбищных земель и особенно острую необходимость в рабочей силе. Они широко скупали владельческие и арендовали казенные земли по всей периферии Таврической губернии и за пределами ее, но не далее, чем «за Кубанью в Черномории»⁸⁹.

Рабочую силу в этих районах составляли крестьяне-отходники, приходившие в поисках заработков из северных губерний на юг страны. Однако, как мы помним, существовали правительственно-крепостнические ограничения, исключавшие возможность для молокан пользоваться трудом крестьян православного вероисповедания.

Анна Филиберт, отстаивая для Мазаевых, Захаровых и иных крупных собственников-молокан равные с другими «иноверцами» — меннонитами, гернгутерами, реформаторами — права на эксплуатацию наемной рабочей силы, писала: «Все рабочие большую частью приходят артелями во множестве из северных губерний России, и всем сколько-нибудь состоятельным хозяевам необходимо прибегать к их помощи. Молокане, зажиточные хозяева, лишены этой возможности и доведены до крайности нанимать в пастухи татар из Казанской губернии...»⁹⁰. Впрочем, молокане-собственники находили способы пользоваться и трудом русских крестьян-отходников; судя по словам А. Филиберт, «полиция деятельно преследует молокан, которые, как они говорят, передерживают православных рабочих...»⁹¹.

⁸⁸ Анна Филиберт. Предисловие к статье «Несколько слов о молоканах в Таврической губернии». «Отечественные записки», 1870, № 6, стр. 292—293.

⁸⁹ Там же, стр. 293.

⁹⁰ Там же, стр. 295.

⁹¹ Там же.

С течением времени ограничения для молокан в пользовании наемным трудом крестьян православного исповедания ослабевали.

Состав переселенческого движения молокан определяли не Мазаевы, Захаровы и им подобные, а беднота, и в большом количестве лица, уже обладавшие минимумом накоплений, который позволял им действовать в местах нового водворения на собственный «страх и риск».

Исследуем экономическое развитие и социальные противоречия в молоканских поселениях на примере крупнейшего очага молоканской колонизации в Амурской области. Этот пример мы считаем особенно характерным: именно в Амурской области молоканство нашло наиболее свободные (из всех возможных в полукрепостнической России) условия для устройства своей жизни на основе верований, традиций, социально-этических начал, которых оно придерживалось.

Переселенческое движение молокан в Амурсскую область началось с 1859 г., когда молокане — выходцы из Таврической и Самарской губерний — основали на правом берегу реки Зеи деревню Астраханку⁹². В 1865 г. (а затем в 1892 и 1893 гг.) молокане-переселенцы из Томской, Тамбовской и Самарской губерний заселили деревню Андреевку в Ивановской волости Амурской губернии⁹³. В 70-е годы XIX в. молокане-переселенцы из Тамбовской, Самарской, Воронежской и Тобольской губерний обосновались в деревнях Тамбовка и Гильчин в Гильчинской волости Амурской губернии⁹⁴. В 80-х годах XIX в. молокане-переселенцы из Тамбовской губернии поселились в Гильчинской волости, в деревнях Толстовка, Чуевка, Жариково⁹⁵. В 90-х годах XIX в. молокане-переселенцы из Самарской губернии заселили в Гильчинской волости деревню Верхне-Уртуй⁹⁶. Кроме того, из Тамбовской и других губерний продолжали приходить молокане-переселенцы в деревни Гильчин, Чуевка, Андреевка и др.

По данным Г. Введенского, заведовавшего переселенческим делом в Южно-Уссурийском крае, молокане и духоборы составляли до 80-х годов XIX в. половину сельского и городского населения Амурской области⁹⁷. В 90-х годах русское сельское население Амурской области состояло из 51 320 человек⁹⁸. Сведения Г. Введенского, по-видимому, близки к истине. Они, в частности, подтверждаются наблюдениями К. Литвинцева, который в статьях об амурских сектантах, опубликованных в 1887 г., писал: «...не будет преувеличением назвать город Благовещенск молоканским городом, как его многие и называют»⁹⁹.

Переселенческое движение молокан в Амурсскую область не ограничивалось, таким образом, сельскими местностями, что и понятно, если принять во внимание значительную купеческо-мещансскую прослойку переселенцев. К. Литвинцев следующим образом характеризует занятия благовещенских молокан: «У молокан, живущих в городе, все внимание поглощено куплей и продажей... Торговля их по преимуществу мелочная, на гильдейские свидетельства 2 и 3 разряда; многие, впрочем, ведут крупную торговлю мясом, хлебом, которая, к сожалению, монополизируется исключительно ими. Многие, скучая вовремя хлеб и овес, сбываю на баржах в казачьи станицы вплоть до г. Николаевска, от какой операции сильно поживаются. Вообще, сравнительно

⁹² «Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации». М., 1909, стр. 110.

⁹³ Г. Е. Грум-Гржимайло. Описание Амурской области. СПб., 1894, стр. 489.

⁹⁴ Там же, стр. 494—495.

⁹⁵ Там же, стр. 495—496.

⁹⁶ Там же, стр. 497.

⁹⁷ Приамурье..., стр. 110.

⁹⁸ Г. Е. Грум-Гржимайло. Указ. соч., стр. 526.

⁹⁹ Константин Литвинцев. Амурские сектанты: молокане и духоборы. «Христианское чтение», 1887, ноябрь-декабрь, стр. 550.

с православным населением г. Благовещенска, молокане составляют самый зажиточный класс...»¹⁰⁰.

Более или менее аналогичными были и занятия молокан в Николаевске-на-Амуре. «Молокане же,— читаем у К. Литвинцева,— торгуют в больших размерах соленой рыбой и сушеною рыбой — кетой, которую сами заготовляют в Николаевске-на-Амуре»¹⁰¹.

Характеристика К. Литвинцева занятий молокан, населявших города Амурской области, относится к тому времени, когда их торговая активность заслоняла их предпринимательскую деятельность в области промышленного производства. В течение 80-х и особенно 90-х годов в городах Амурской области развивалось промышленное производство — мукомольная, лесопильная, сыроваренная промышленность, многие объекты которой составляли собственность молокан-капиталистов. Молокане Алексеев, Вобников, Саяпин имели в Благовещенске мукомольные производства, стоимость оборудования которых составляла 132 тыс. руб., а сумма их годового производства в 1896 г. равнялась 643 030 руб.¹⁰²

Нам, к сожалению, не удалось найти материалы, характеризующие условия труда на предприятиях Благовещенска, принадлежавших предпринимателям-молоканам. Чтобы восполнить этот пробел, хотя бы отчасти, мы воспользуемся впечатлениями молоканского автора Д. В. Зайцева, посетившего ткацкое предприятие, принадлежавшее молоканину С. И. Желтову в исконном очаге молоканства — селе Рассказово Тамбовской губернии: «Квартира фабриканта,— писал Зайцев,— была обставлена по-европейски с мягкой мебелью и с электрическим освещением... от всей обстановки веяло тем, что люди здесь ни в чем не нуждаются и живут себе вдали от всех забот и треволнений, благословляя судьбу»¹⁰³.

Перенесемся теперь из «обставленной по-европейски» квартиры фабриканта на его фабрику: «Большое 2-этажное здание имело десятка два разных отделений со множеством разных специальных машин и ручных станков. На фабрике работало более 300 человек, из них более половины женщины и девочки-подростки. Жизнь внутри фабрики представляла собой обычную картину современного промышленного труда. Темноватые неуклюжие клетки, гудящие и стучащие тяжелые машины, и около них грязные, потные люди с худыми, часто пожелтевшими лицами. Люди эти были прикованы весь день к машинам, в особенности тяжело было видеть девушек, большую частью худых и поблекших без поры без времени... Народ на фабрике преимущественно из Рассказова и большую частью свои же братья»¹⁰⁴.

При десятичасовом рабочем дне месячные заработки на фабрике молоканина-капиталиста составляли: ткача — от 10 до 18 руб., слесаря от 15 до 20 руб., женщины-работницы от 4 руб. 68 коп. до 6 руб. 50 коп. и девочек-подростков от 4 руб. 10 коп. до 4 руб. 68 коп.¹⁰⁵ Эксплуатация женского и детского труда составляла важнейшую часть дохода молоканина-капиталиста, поскольку большая часть его рабочих состояла из женщин и подростков.

Благовещенские собственники-молокане сверх торговых, а в ряде случаев и промышленных предприятий имели крупные земельные владения. Для этих молокан характерно было стремление объединить в своих руках

¹⁰⁰ Константин Литвинцев. Амурские сектанты: молокане и духоборы, стр. 550—551 (разрядка наша.— А.К.).

¹⁰¹ Там же, стр. 552.

¹⁰² М. Бережников. Обозрение фабрично-заводской промышленности Амурской области в 1896 г. «Записки Приамурского отдела императорского Русского географического общества», т. III, вып. III. Хабаровск, 1898, стр. 43.

¹⁰³ Д. В. Зайцев. Поездка в село Рассказово Тамбовской губернии. «Духовный христианин», 1909, № 5, стр. 45.

¹⁰⁴ Там же, стр. 45—46 (разрядка наша.— А. К.).

¹⁰⁵ Там же, стр. 46.

производство, обработку и сбыт сельскохозяйственной продукции. Земельные владения этой категории собственников складывались из целинных земель — так называемых заимок (это были своего рода фермы, которые часто основывались на паях), а также купчих и арендованных земель.

В первой половине 90-х годов благовещенским молоканам принадлежали в Ивановской и Гильчинской волостях Амурской области 42 заимки (на этих заимках находилось 103 двора с населением в 800 человек). Площадь заимок состояла из 25 060 дес. усадебных, покосных и пахотных земель, причем последние занимали до 70% всей площади. В хозяйствах этих «заимок» имелось 1680 лошадей (подавляющее большинство рабочих), 340 быков и волов, 121 верблюд, 823 коровы и 917 штук мелкого скота. Таким образом, в среднем на ферму приходилось около 600 дес. земли, 40 лошадей, 11 голов прочей тяговой силы, около 20 коров и свыше 21 штуки мелкого рогатого скота (см. Приложение, табл. 1). Это были крупные фермерские хозяйства, имевшие зачастую, как мы уже упоминали, совладельцев, но необходимо оценить всю меру экономического значения того факта, что совладельцы ферм обладали большими капиталами, вложенными и в другие формы земельной собственности, и в торговые дела, а в иных случаях и в промышленные предприятия.

В 1901—1903 гг. известный либеральный деятель, автор работ по переселенческому вопросу А. А. Кауфман посетил молоканские села и заимки и оставил записи, в которых ярко запечатлел образы «русских американцев» — молоканских фермеров Амурской области¹⁰⁶.

Посетим вместе с Кауфманом заимку Епифания Ланкина и его совладельцев Тулупова, Евдокима и Трофима Ланкиных: «Заходим в первую попавшуюся избу — к старику Тулупову, одному из «первых жителей» заимки; коренастый, крепкий старик, чисто крестьянского облика; простой крестьянский двор с большим сараем для машин... Кроме пая в общем владении, Тулупов имеет еще два участка, один в сто двадцать, другой в полтораста десятин; засевает около семидесяти десятин — посевы все те же: пшеница, овес, китайские бобы. Своими машинами Тулупов непременно захотел нам похвалиться: повел нас в сарай, где оказалось три плуга с сидениями, конные грабли, сноповязалка, молотилка, рядовая сеялка»¹⁰⁷.

Из двора Тулупова проследуем к Евдокиму Ланкину, обладающему, кроме пая в той же, что и Тулупов заимке, еще 900 дес. земли: «Роскошный городской дом, огромный двор, несколько больших амбаров, обширный сарай с земледельческими орудиями и машинами, достраивается паровая мельница с пятнадцатисильным локомобилем»¹⁰⁸.

Весьма характерной фигурой молоканского буржуазного дельца был другой Ланкин, Трофим: «Трофим — коренастый мужчина, мещанского облика, с хитрыми, пронизывающими глазами, большую частью живет в городе и только наезжает на заимку; как и большинство состоятельных молокан, он ведет, наряду с хозяйством, крупные торговые дела — все больше разные поставки на присыки; а в 1900 году он заработал, ни много, ни мало, двадцать тысяч рублей на доставке военных грузов в Цицикар и в другие пункты бывшей на военном положении Маньчжурии... Земли у Трофима меньше, чем у Евдокима: он имеет, кроме пая в артельном участке, всего шестьсот десятин, но засевает он больше — до полутораста десятин... он выписывает, впрочем, пока без особого успеха, улучшенные сорта пшеницы и овса, собирается устраивать конский завод, строит кожевню»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ А. А. Кауфман. По новым местам (Очерки и путевые заметки). 1901—1903. СПб., 1905.

¹⁰⁷ Там же, стр. 79—80.

¹⁰⁸ А. А. Кауфман. Указ. соч., стр. 80.

¹⁰⁹ Там же, стр. 80—81 (разрядка паша.— А. К.).

Посещение одной за другой заимок раскрывает в общих чертах однаковую картину буржуазно-фермерского благосостояния. О заимке Никифора Болотина Кауфман сообщает, что «хозяйство последнего — одно из самых известных в крае»¹¹⁰. В самом деле: «...восемьсот десятин земли, полтораста молоканских десятин посева, четыре плуга с сиденьями, три сноповязалки. Гордость Болотиных — их конный завод из 25—30 маток местной породы с томскими производителями; лошадей раскупают и в Благовещенске, и по деревням по триста рублей и дороже за штуку. Рогатый скот тоже хороший, но местной породы, без всяких попыток улучшения извне»¹¹¹.

Купцы и мещане из молокан поддерживали тесную связь с сельским хозяйством и в случаях неудач в торговле переходили в разряд сельских хозяев. Кауфман рассказывает: «За рекою видим утопающую в садиках и рощах деревеньку Жарикову (молоканскую.— А. К.).— Банкротовкой ее зовут,— говорит мой спутник,— проторгуется благовещенский купец из молокан — записывается в крестьяне в Жарикову; уже сколько их так позаписалось»¹¹².

Молоканские купцы, предприниматели, фермеры являлись руководящей силой в сельских молоканских обществах, а также оказывали большое влияние на общественную жизнь городов Амурской области. Сотрудники земской организации на Дальнем Востоке, обобщая свои наблюдения над деятельностью молоканских фермеров, писали: «Войдя в силу по материальному достатку, домохозяин получает и крупный вес в сельском обществе, и властный голос на сельских сходах. Вместе с другими богатеями вершит дела общины. Создается обыкновенная деревенская история, запечатленная в поколениях пословицей — «с сильным не борись...». Сильные позволяют себе приемы захвата, покоящиеся... на своей безнаказности и безответственности заурядных общественников-однодеревенцев»¹¹³.

В Благовещенске молоканское купечество играло активную роль в органах городского управления и занимало видные позиции в финансовых организациях. «...Они (молокане.— А. К.),— писал К. Литвинцев,— исполняют обязанности гласных в городском общественном управлении и несут должности товарищей председателя в городском общественном банке»¹¹⁴. Свое общественное положение молоканское купечество использовало для обеспечения наиболее выгодных условий для развития торговли и буржуазного предпринимательства, для наиболее гибкого маневрирования среди всякого рода крепостнических ограничений и стеснений. «В качестве гласных городского общественного управления,— писал Литвинцев,— молокане составляют весьма упорную силу, что обнаруживается при обсуждении важных общественных вопросов и особенно при избрании нового головы... Если не вмешивается в дело общественного управления высшая гражданская власть, которая там почему-то («почему-то»! — А. К.) всегда стоит за аристократов, то партия демократов, или мелкоторговые, на стороне которых стоят еще и молокане, всегда одерживает верх»¹¹⁵.

Обратимся теперь к социально-экономическим явлениям, характеризующим молоканскую деревню. Отметим прежде всего, что в первой половине 90-х годов XIX в. различия в обеспечении землей, тяговой силой и скотом между молоканскими и немолоканскими селениями не наблюдается, хотя в последних развитие производительных сил шло относительно медленнее, чем в первых.

¹¹⁰ А. А. Кауфман. Указ. соч., стр. 82.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ «Приамурье...», стр. 374.

¹¹⁴ К. Литвинцев. Указ. соч., стр. 559—560.

¹¹⁵ Там же, стр. 560 (разрядка наша.— А. К.).

На один немолоканский крестьянский двор в Гильчинской волости в среднем приходилось: земли — 188,3 дес., лошадей — 5, коров — 3,6, мелкого рогатого скота — 9. На один молоканский крестьянский двор Гильчинской волости в среднем приходилось: земли — 180 дес., лошадей, быков, волов — 8, коров — 3, мелкого рогатого скота — 6 (см. Приложение, табл. 1).

Обращает внимание высокая обеспеченность землей тех и других. Однако коэффициент полезного использования земельных площадей был низок, а способы землепользования отсталыми: наличие крупных площадей земли позволяло молоканам не тратить средств и сил на ее культурное освоение и, использовав под пашню один участок, забрасывать его и переходить на другой, чтобы затем обрабатывать новый участок и т. д. По словам Грум-Гржимайло, «из-за стремления к обогащению молоканин оставляет после себя лишь буряны и просто обкрадывает настоящее и будущее поколения из-за целей личной наживы»¹¹⁶.

С этим совпадают и другие свидетельства. «...Предприятия здешних крестьян,— читаем в книге «Приамурье»,— и земледельческие и промышленные — носят захватно-хищнический характер; каждый старается захватить как можно больше, выбрать все, что можно, ничуть не заботясь об интересах других, о будущем»¹¹⁷.

Однако уже в первой половине 90-х годов XIX в. при приблизительно таком же высоком обеспечении крестьян участками пахотных земель коэффициент их полезного использования в молоканских селах был значительно выше, чем в немолоканских. Если в немолоканских селах Ивановской волости из 65 860 дес. пахотных земель под посевами находилось 8021, т. е. 12,3%, а в немолоканских селах и заимках Гильчинской волости из 40 886 дес. пахотной земли под посевами находилось всего 1626, т. е. около 4%, то в молоканских селах Гильчинской волости из 38 150 дес. пахотной земли под посевами находилось 8916, т. е. 23,4%, а в 42 молоканских заимках Ивановской и Гильчинской волостей из 17 204 дес. пахотных земель под посевами находилось 4309, т. е. 25%.

Производство хлеба у молокан имело товарно-капиталистический характер и не только в заимках-фермах, но и в молоканских селах со всеми присущими капитализму явлениями расслоения и эксплуатации наемного труда.

Дореволюционная статистика оперировала почти исключительно средними показателями, но все же знаменательно, что если каждый крестьянский двор Приамурья (данные за 1908 г.) поставлял на рынок в среднем 16,7 пудов зерна, то крестьянский двор Амурской области, в которой сосредоточены были молокане, поставлял на рынок 238 пудов, т. е. в 14 раз больше. При этом имели место «колебания по группам: от дохватки в 39,4 пуда до избытка в 496,1»¹¹⁸. Можно с уверенностью сказать, наиболее высокий выход товарного хлеба имел место в молоканских поселениях и заимках.

Система производства сельскохозяйственной продукции в молоканских селах может быть определена как капиталистическая прежде всего по факту эксплуатации крупными собственниками наемной рабочей силы. Уже Грум-Гржимайло обратил внимание на то, что в молоканских селах Гильчинской волости (Тамбовка, Толстовка, Гильчин) «очень многие запахивают 100—120 десятин и даже передко 180 десятин, и притом десятин молоканских (100×40)»¹¹⁹.

Так называемая молоканская десятина — 4 тыс. кв. сажен — составляла 1,66 казенной десятины. Выше мы отмечали, что в среднем на моло-

¹¹⁶ Грум-Гржимайло. Указ. соч., стр. 543.

¹¹⁷ «Приамурье...», стр. 604 (разрядка наша.— А. К.).

¹¹⁸ «Приамурье...», стр. 721.

¹¹⁹ Грум-Гржимайло. Указ. соч., стр. 543.

канский двор Гильчинской волости приходилось по 180 десятин земли — усадебной, покосной, пахотной. Но если в деревнях этой волости имелись, и притом «очень многие», хозяева, у которых одна запашка составляла 100—120 молоканских десятин, и было немало хозяев, у которых запашка составляла и 180 молоканских десятин, или в казенных десятинах — 166—199 и 299, то становится очевидным, насколько эти средние цифры скрывают действительную картину имущественно-социального неравенства, существовавшего в молоканских поселениях.

Данные Грум-Гржимайло подтверждают и уточняет Кауфман, посетивший, в частности, Тамбовку и Толстовку в 1901—1903 гг. Отмечая сравнительную с другими молоканскими селами «равномерность» в уровне зажиточности населения Толстовки, Кауфман указывает, что в то время как одни «сеют по 90, по 100 «молоканских» десятин, другие — по 15—20 тех же десятин»¹²⁰. Иная картина наблюдалась Кауфманом в Тамбовке: «Благосостояние в Тамбовке менее равномерно, нежели в Толстовке; немало хозяев засевают более сотни молоканских десятин, а многие из тамбовских молокан, живя по-прежнему в деревне и обрабатывая наделенную землю, владеют и участками купчей земли. Но есть беднота, засевающая по 2—3 десятины, а то и вовсе не имеющая посева»¹²¹.

В свете данных, приводимых Грум-Гржимайло (1894 г.) и Кауфманом (1901—1903 гг.), большую убедительность приобретают данные переселенческого чиновника Тарновского, писавшего в отчете за 1897 г.: «В экономическом отношении положение крестьян новоселов в общем удовлетворительное, в особенности почти во всех селениях Амурско-Зейской волости; что же касается других волостей, то в большей половине селений находится приблизительно 60% зажиточных — преимущественно в селениях, населенных сектантами; остальные 40% живут бедно; из них $\frac{1}{3}$ не имеет ровно никакого хозяйства и донообзаводства, почему, стремясь к перекочевыванию, устойчивого положения на местах не имеет»¹²².

Беднота, которая составляла, по данным Тарновского, до 40% населения в сектантских селах, засевавшая, как это наблюдал Кауфман, по 2—3 дес., а то и вовсе не имевшая посевов, составляла резерв лишенной или почти лишенной средств производства рабочей силы; эта рабочая сила как бы она ни «стремилась к перекочевыванию», не могла узкользнуть от эксплуатации и экономической зависимости от крупных собственников. Однако в 90-х годах XIX в. и даже в начале 900-х годов наиболее широкий контингент эксплуатируемых в молоканских селениях составляли, с одной стороны, русские переселенцы первых лет водворения, приисковые рабочие, оставлявшие по тем или иным причинам прииски, бессрочно-отпускные солдаты, а с другой стороны — местная беднота нерусской национальности.

Грум-Гржимайло писал о молоканах: «Главный контингент рабочих доставляют вновь прибывающие переселенцы. Многие из них в первые годы своего водворения живут в работниках у старожилов; в счет заработной платы наниматели предоставляют в их пользу 1 или 2 десятины посева; в собственность работника, в счет пред назначенной ему платы предоставляется иногда лошадь или корова»¹²³. Заработка плата сельскохозяйственным рабочим выплачивалась молоканами-хозяевами как в натуральной форме, так и в денежной и в последнем случае составляла в месяц (при хозяйственных харчах) по 25 руб., а поденно (в сенокос) — от 1 руб. до 1 руб. 25 коп.

¹²⁰ А. А. Кауфман. Указ. соч., стр. 76.

¹²¹ Там же, стр. 78 (разрядка наша.— А. К.).

¹²² «Приамурье...», стр. 138.

¹²³ Грум-Гржимайло. Указ. соч., стр. 543.

Особенно охотно молокане-собственники набирали в работники нерусскую бедноту, учитывая ее забитость и дешевизну труда. Так, в 1908 г. в Толстовке такой батрак получал в месяц от 15 до 17 руб., в то время как батраку-русскому платили до 25 руб.; в Гильчине за поденную работу на сенокосе первому платили 80 коп., в то время как второй получал 1 руб.— 1 руб. 25 коп.¹²⁴

В 1908 г. в Гильчине и Тамбовке нерусская беднота составляла главный контингент сельскохозяйственных рабочих, обеспечивавших запашки сотен и сотен «молоканских» десятин. Они занимали очень большое место и среди сельскохозяйственных рабочих, обрабатывавших поля собственников из села Тамбовки¹²⁵.

Гильчинские молокане-собственники цинично говорили об этих людях: «Отважный народ! Такой смиренный, такой смиренный, да работающий, что на удивление!»¹²⁶.

С капиталистическим развитием молоканских хозяйств связаны были и постепенный переход к совершенным формам землепользования, и внедрение сельскохозяйственной техники. Как указывал Грум-Гржимайло, «огромные запашки вызвали также сильное распространение сельскохозяйственных машин, в особенности жатвенных, которые в большом количестве и самых усовершенствованных систем можно встретить в каждой молоканской деревне»¹²⁷.

В первом десятилетии XX в. в молоканских селах был механизирован в частности посев. Если в Приамурье в это время «наиболее распространенным способом посева» являлся «обыкновенный ручной способ», если «в Уссурийском крае сеялки в крестьянских хозяйствах» представляли «совсем редкое явление», то в центральном черноземном районе Амурской области «и особенно в хозяйствах молокан сеялок множество, а в таких селениях, как Тамбовка, Гильчин, Толстовка, другого посева, кроме машинного, почти не встречается. Разбросные сеялки разных типов настолько обычны здесь, что существуют (в Толстовке) даже местные мастерские для их изготовления»¹²⁸.

Механизация всех видов сельскохозяйственных работ в молоканских поселениях характерна уже к исходу 90-х — началу 900-х годов. Как писал А. А. Кауфман, посетивший молоканские селения и займки в 1901—1903 гг., «по части орудий и машин Толстовка вместе с соседнею Тамбовкой ничуть не уступают самым богатым владельческим займкам; в обеих есть хозяева, имеющие машины на четыре и на пять тысяч рублей; все, кто побогаче, от сравнительно дешевых перешли к дорогим плугам с сиденьем, большинство имеет рядовые сеялки, сортировки... в Толстовке уже в 1900 году работало двенадцать спноповязалок... у 12 хозяев молотилки — из них одна приспособлена к локомобилю паровой мельницы...»¹²⁹.

Как и крупная земельная собственность, основная масса сельскохозяйственной техники принадлежала богатым хозяевам и служила им средством экономического порабощения бедноты. «Но если в старожильских селениях вообще всей Амурской области — исключительно машинная уборка простыми жнеями или спноповязалками, а в молоканских только последними, то это еще не значит, что все домохозяева селений владеют этими машинами (как отмечалось выше, в Толстовке и Тамбовке имелись крупные собственники, обладавшие сельскохозяйственными машинами

¹²⁴ «Приамурье...», стр. 430.

¹²⁵ Там же, стр. 429.

¹²⁶ Там же, стр. 361.

¹²⁷ Грум-Гржимайло. Указ. соч., стр. 543.

¹²⁸ «Приамурье...», стр. 460.

¹²⁹ А. А. Кауфман. Указ. соч., стр. 177.

на суммы в 4—5 тыс. руб.—А. К.) Многие убирают чужими машинами, ианимая их за известную плату»¹³⁰.

Постепенно с ходом капиталистического развития сельского хозяйства в молоканских поселениях Амурской области менялись и способы землепользования. Пока запашки были сравнительно небольшими, хищническое использование земель вполне удавалось — «выбрать все, что можно», с участка и перейти на другой не составляло труда. Но с появлением и быстрым ростом крупных зерновых хозяйств «кочующее» земледелие уступало место «оседлому», интенсивному земледелию. Одновременно обострилась борьба за земельные площади, усиливалось наступление крупных собственников на земельные участки мелких хозяев, обходным явлением сделались переделы земли, земля становилась объектом купли-продажи и разного рода арендных сделок. Одновременно в первом десятилетии XX в. в ряде молоканских сел хозяева широко переходили к системам землепользования, близким трехполью. В 1907 г. в Тамбовке «из 13000 дес. удобной земли под парами и посевами было... 7047 дес., т. е. больше половины»¹³¹. В том же году на правильное трехполье перешли земельные собственники Чуевки, а в следующем году их примеру последовали землевладельцы Толстовки¹³².

Мы имеем возможность проследить хозяйственную эволюцию молоканских поселений Гильчинской волости примерно за четверть века, а именно с первой половины 90-х годов XIX в., когда их описывал Грум-Гржимайло, до 1917 г., когда были составлены «Поселенные итоги сельскохозяйственной переписи в Амурской области...»¹³³. В «Поселенных итогах...» содержится подробная характеристика хозяйств Тамбовки, Жариково, Гильчина, Верхне-Уртуя, Толстовки, Чуевки, бывших почти сплошь молоканскими в то время, когда их описывал Грум-Гржимайло.

Ко времени составления «Поселенных итогов...» селения Чуевка, Толстовка, Тамбовка, Жариково отошли из Гильчинской волости в Тамбовскую. В гильчинской волости остались лишь молоканские селения Гильчин и Верхне-Уртуй. Небольшая деревня Парунова, находившаяся в Гильчинской волости и состоявшая исключительно из благовещенских мещан, прекратила ко времени переписи существование. Наконец, в «Поселенных итогах...» фигурирует молоканское селение Ново-Александровское, возникшее несколько позднее того времени, к которому относится описание Грум-Гржимайло.

Мы будем сравнивать показатели, относящиеся к молоканам Гильчинской волости в том составе их селений, которые описаны Грум-Гржимайло, с показателями «Поселенных итогов...», относящимися к составу молоканских селений, выделившихся из Гильчинской в новую, Тамбовскую, волость и оставшихся (Гильчин и Верхне-Уртуй) в Гильчинской волости (см. Приложение, табл. 2).

На указанной территории молоканское население (включая заимки) в середине 90-х годов составляло 3135 человек, проживавших в 429 дворах (хозяйствах). К 1917 г. оно состояло из 10 676 человек, проживавших в 1122 дворах. Иными словами, при увеличении состава населения на 340% число хозяйств выросло на 261%. Мы, к сожалению, не располагаем сведениями о числе наемных рабочих в молоканских поселениях Гильчинской волости в 90-е годы. К 1917 г. среди молоканского населения Тамбовской и Гильчинской волостей число постоянных наемных рабочих составляло 1325 мужчин и женщин. Кроме постоянного контингента батраков, молокане-собственники эксплуатировали труд сезонных рабочих.

¹³⁰ «Приамурье...», стр. 469 (разрядка наша.—А. К.).

¹³¹ Там же, стр. 391.

¹³² Там же, стр. 388.

¹³³ «Поселенные итоги сельскохозяйственной переписи в Амурской области в 1917 году». Благовещенск, 1918.

Из кого вербовался контингент постоянных и временных сельскохозяйственных рабочих, трудившихся в хозяйствах молокан-собственников? Для 90-х — первого десятилетия 900-х годов это были главным образом иерусское и немолоканское русское население — новоселы, приисковые рабочие, отслужившие срок солдаты.

Ко времени переписи 1917 г. в составе молоканского населения вырос слой людей, лишенных средств производства и орудий труда или имевших их в ничтожном количестве и вынужденных продавать свою рабочую силу. Мы узнаем из «Поселенных итогов...», что из общего числа 1122 хозяйств обладали землей 989. Таким образом, 133 хозяйства были безземельными. Мы узнаем также и о наличии в общем числе молоканских хозяйств 105 хозяйств беспосевных, 95 — не имеющих никакого скота, 45 — не имеющих рабочего скота, 50 бескоровных хозяйств и 151 — не имеющих сельскохозяйственного инвентаря. Перед нами социально-расслоенная деревня, имеющая, с одной стороны, богатых и зажиточных собственников, с другой,— бедноту и сельскохозяйственных рабочих.

В 90-х годах XIX в. земельная собственность молокан Гильчинской волости состояла почти исключительно из надельных земель и составляла 74 140 дес.

К 1917 г. земельная собственность молокан (надельная, арендная, купчая), оставшихся в Гильчинской волости и перешедших в Тамбовскую волость, составляла 101200,4 дес., т. е. выросла приблизительно на 36%, несмотря на произошедший за это время рост числа хозяйств на 261%.

Возможности для развития молоканского землевладения вширь значительно уменьшились к началу 900-х годов. Дальнейшее развитие землевладения могло идти преимущественно по пути перераспределения наличного земельного фонда, по пути переделов, аренды, купли-продажи земли. В земельной собственности тамбовско-гильчинских молокан Амурской области, по переписи 1917 г., надельная земля составляла 49 961 дес. (48,4%), арендованная — 30 894 (30,5%), купчая — 20 366 дес. (20,1%).

Уже состав земельной собственности тамбовско-гильчинских молокан свидетельствует о крупнейшем сдвиге, произошедшем за четверть века в их земельных отношениях,— земля стала товаром.

Резко возросло полезное использование пахотных земель, которые в 90-х годах обрабатывались молоканами лишь на 25%. Из 92162,3 дес. пахотной земли, принадлежавшей молоканам Тамбовской и Гильчинской волостей в 1917 г., под посевами находилось 64392,9, под парами — 21257,2 и под залежью — 6512,2 дес. Практически к 1917 г. вся площадь принадлежавшей молоканам пахотной земли была освоена под зерновое производство, которое, как мы показали, велось на капиталистической основе. Среди молокан имелись батраки, беднота, немалый слой зажиточных хозяев и крупные землевладельцы-фермеры. Из числа последних 77 жителей, сверх надельных и арендуемых земель обладали кучими землями — 5703 дес. Имелись также и богатейшие буржуазные арендаторы: 26 дворов селения Гильчиц, сверх 10 439 дес. надельной земли, при арендовывали еще 9432 дес. Это были по существу фермерские хозяйства, в которых одних только постоянных рабочих было 70. В этих 26 фермах насчитывалось 1836 лошадей, 1427 коров и 2295 штук мелкого рогатого скота.

Выделим теперь (см. Приложение, табл. 3) из общего числа молокан-землевладельцев Гильчинской и Тамбовской волостей группу фермеров, проживавших на хуторах («заимках»). По переписи 1917 г., 104 таких фермера владели 14662,4 дес. купчей земли; 70 человек из них при арендовывали еще 11718,2 дес. (при этом фермеры сами сдавали в аренду 1821,2 дес.).

Таким образом, 70 владельцев заимок и 26 богатеев-домохозяев селения Гильчиц были в общей сложности арендаторами примерно 20 тыс. дес.,

т. е. около 65% всей земли, находившейся у тамбовских и гильчинских молокан на правах аренды. Из этого следует, что аренда среди молокан была в первую очередь предпринимательской.

В продолжение характеристики выделенной нами группы фермеров укажем, что среди 1788 человек, населявших эти фермы, 441 были постоянными рабочими. Фермы были отлично обеспечены тяговой силой: в их хозяйствах насчитывалось 2268 лошадей. В большом количестве имелся также крупный и мелкий рогатый скот, однако, промышленного характера скотоводство в общем не имело.

Обращает на себя внимание и высокая техническая оснащенность хозяйств молокан Тамбовской и Гильчинской волостей (см. Приложение, табл. 4).

Мы имеем возможность познакомиться с психологическим типом молоканского буржуазного «конкистадора» в Амурской области. Один из земских сотрудников — Тихон Познер — передает свои впечатления о встрече с молодым молоканином-землевладельцем из селения Т. (Тамбовка, Толстовка?): «Завязалась беседа. Она была не очень интересна. Чем-то жестким и холодно-расчетливым веяло от этого человека. Он весь поглощен был в свои хозяйствственные планы и предприятия. Разговоры вертелись исключительно около интендантских задатков, «залогов», «оборотов», аренды сенокосов, томских жеребцов, русских коров и тому подобных предметов... чувствовался не хозяин-земледелец, а «боец», боец за существование, страстный предприниматель, герой наживы, которая овладела всем его существом и на время (а может быть и навсегда) заглушила в нем человека. Почему-то вырисовывался все больше и больше тип биржевого игрока, который сегодня занимается земледелием, завтра будет торговцем, а в случае удачи рискнет и на занятые деньги выстроит в Благовещенске бани, откроет гостиницу, заведет пароходы по Зее и Амуру»¹³⁴.

Именно такие фигуры хищных буржуазных дельцов неограниченно господствовали в молоканском движении конца XIX — начала XX в. Они действительно строили предприятия в Благовещенске, открывали пароходные компании для транспортировки коммерческих грузов. Мы имели повод сказать о той роли, которую играли молоканские дельцы в экономической жизни городов Амурской области уже в 80-х годах XIX в. На рубеже XIX—XX вв. паралельно тому, как развивались зерновые фермы молокан, влияние молокан-предпринимателей на экономическую жизнь городов Амурской области усиливалось.

В 1910 г. редакцию издававшейся в Петербурге газеты евангельских христиан «Утренняя звезда» посетил И. В. Алексеев — представитель крупнейшей благовещенской фирмы «Торговый дом В. Алексеев с сыновьями» (молоканской семьи, владевшей предприятиями мукомольной и лесопильной промышленности и пароходной линией по Амуру).

Алексеев-отец, крестьянин-переселенец, прибывший с семьей в 70-х годах в Амурсскую область, обладал именно теми качествами «бойца», «героя на живы», которые Тихон Познер увидел в одном из своих молодых собеседников — молоканине из села Т. Как сообщала на основании беседы с И. В. Алексеевым редакция газеты «Утренняя звезда», «молокане составляют коренной элемент Благовещенска и многих других городов и сел Амурской области. Они стоят во главе всех отраслей экономической и общественной жизни края. Пароходные общества, лесная торговля, мукомольное, сыроваренное дело, учреждения денежного кредита организуются и управляются ими»¹³⁵.

¹³⁴ «Приамурье...», стр. 660—661.

¹³⁵ «Утренняя звезда» от 22 января 1910 г., стр. 3 (разрядка наша.— А. К.).

Остановимся на той части беседы Алексеева с журналистами, которая характеризует его экономические взгляды как представителя интересов монополистической буржуазии: «Вы знаете, — говорил Алексеев, — что модным на Амуре является сейчас вопрос о торговско-промышленном кризисе... Возьмем, скажем, мукомольное дело в нашей Амурской области. Одна крупная местная мельница уже потерпела крах и прекратила платежи, очень неважные дела и у оставшихся пока целыми мельников»¹³⁶. Причины кризиса, как это представлялось буржуазному сознанию Алексеева, состояли в том, что «мельницы оборудованы не по краю большими: 9 крупнейших мельниц в состоянии, при работе всеми вальцами, выработать в сутки до 30 тыс. пудов зерна на крупчатку, а подобной выработки край потребить не в состоянии, да и зерна местного не хватает»¹³⁷.

Что же предлагал Алексеев для выхода из кризиса? Он утверждал: «Во-первых, сама собой напрашивается мысль об образовании соглашения или синдиката — если угодно так назвать мукомолов... Во-вторых, мукомольный кризис мог бы разрешиться отысканием внешних рынков для избыточной амурской муки»¹³⁸.

Не пройдем мимо и тех мотивов, которые делали Алексеева энтузиастом переселенчества в Амурской области. «Меня, как предпринимателя, — отмечает Алексеев, — не может не интересовать переселенческое дело... густое крестьянское население необходимо местной торговле и промышленности, во-первых, тем, что оно представляет хороший рынок для размещения товаров, а во-вторых, только населенная деревня даст местным коммерсантам и промышленникам в достаточном количестве свободные рабочие руки»¹³⁹.

Рассуждения Алексеева во всех основных своих положениях повторяют идеи известной записки Столыпина об организации переселенческого дела в Сибири; среди них и столыпинские идеи о борьбе за внешние рынки, о выходе на них сибирской (в том числе и дальневосточной) пшеницы.

Л. Б. Белявская в итоге изучения социально-экономических последствий переселенческой политики Столыпина на Дальнем Востоке пишет:

«Амурская область, житница Дальнего Востока, может считаться типичной для этого района страны. На Дальнем Востоке накануне 1917 года более половины крестьян были бедняками. Здесь интенсивно развивался капитализм в сельском хозяйстве, чему способствовали отсутствие помещичьего землевладения, существование захватного права, используемого «стодесятиниками» — старожилами, применявшими усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины, а также наемную рабочую силу, постоянно пополняемую притоком переселенцев... Глубокая дифференциация крестьянства создавала на Дальнем Востоке почву для острой классовой борьбы, направленной и против царских чиновников, и против кулаков»¹⁴⁰.

Эта характеристика с полным правом может быть отнесена к общественным отношениям, сложившимся между крупными землевладельцами-молоканами и молоканской и немолоканской беднотой. Специальное изучение земельной частновладельческой собственности в Амурской области, проводившееся в 1910 г. и охватившее около 70% всей частновладельческой земли, показало, что доля молокан среди землевладельцев составила в то время около 68%¹⁴¹.

¹³⁶ «Утренняя звезда» от 26 сентября 1914 г., стр. 2.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же, стр. 3.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Л. Б. Белявская. Социально-экономические последствия переселенческой политики Столыпина на Дальнем Востоке. Сб. «Особенности аграрного строя России в период империализма». М., 1962, стр. 145.

¹⁴¹ «Труды амурской экспедиции», вып. II, т. III. СПб., 1913, стр. 23 и 30.

В числе молокан-старожилов мы видим пионеров капиталистического землевладения в Амурской области, ставших со временем основной группой капиталистических земельных собственников в этой области. Они были оплотом царизма и реакции, несмотря на свое отличное от православия религиозное мировоззрение. Они персонифицировали капиталистическое рабство и политический гнет царизма, которому противостояла масса бедняцких и батрацких элементов крестьянства Амурской области, среди которых немалую часть составляли и молокане.

Мы показали в самых общих чертах картину капиталистического развития молоканских поселений в Амурской области, социальное расслоение в них.

В какой степени характерен ход экономического развития, прослеженный нами на примере молоканских поселений Амурской области, для молоканских поселений в Бакинской, Эриванской, Тифлисской, Елизаветпольской, Таврической, Поволжских, центрально-черноземных губерний, Донской, Карской областей, словом, в других крупных центрах молоканства?

Одной из наиболее почитаемых, авторитетных среди постоянных молокан была их община в селении Воронцовке Борчалинского уезда Тифлисской губернии. Ее можно назвать религиозным центром дореволюционного молоканства. Это селение возникло в 1846 г. и было образовано молоканами, высланными из ряда великорусских губерний. В 1847 г. поселенцы заарендовали у князя Макария Орбелиани 5250 дес. земли. Уже в 1870 г. воронцовские молокане купили у Орбелиани всю арендованную ими землю и сверх того еще около 2000 дес. земли и 1000 дес. леса.

Двенадцать лет спустя 59 семейств воронцовских молокан купили у князя Вахтанга Орбелиани еще свыше 3300 дес. земли. Эти покупки обошлись воронцовским молоканам около 109 тыс. руб.¹⁴² В середине и второй половине 90-х годов XIX в., т. е. лишь немногим позднее времени, когда Грум-Гржимайло описывал поселения амурских молокан, 272 двора молоканских хозяев Воронцовки имели в частной собственности 14 622 дес. земли и на правах аренды еще 1500 дес. Им принадлежало в это время: быков — 1461, лошадей — 778, коров — 1335, овец — 1775¹⁴³. А. Д. Ерицов в работе, опубликованной в 1887 г., справедливо отметил, что «воронцовские молокане первые подали пример приобретения частных земель...»¹⁴⁴.

Воронцовские молокане явились пионерами фермерского хозяйства в губернии: землевладение многих из них составляло в 80-х годах XIX в. от 200 до 350 дес. собственной земли¹⁴⁵. По пути воронцовских молокан шли и другие молокане Тифлисской губернии. В конце 80-х годов молокане из села Ново-Покровка приобрели в собственность земли у тифлисских помещиков и основали на них селение Ново-Михайловку. Во второй половине 80-х годов 40 новомихайловских молокан-хозяев были собственниками 1580 дес. купчей земли и арендовали еще 789 дес. В их хозяйствах имелось 240 быков, 80 лошадей, 160 коров, 200 овец¹⁴⁶.

Воронцовские новомихайловские молокане вели крупные зерновые хозяйства. Как амурские молокане-фермеры, так и молокане-собственники Тифлисской губернии широко применяли в своих владениях сельскохозяйственную технику. «Обработка полей,— пишет А. М. Аргутинский,— про-

¹⁴² А. Д. Ерицов. Экономический быт государственных крестьян Борчалинского уезда Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. VII. Тифлис, 1887, стр. 473.

¹⁴³ А. М. Аргутинский-Долгоруков. Борчалинский уезд Тифлисской губернии. Район Тифлисско-Карсско-Эриванской железной дороги в экономическом и коммерческом отношениях. Тифлис, 1897, стр. 304—305 и 316—317.

¹⁴⁴ А. Д. Ерицов. Указ. соч., стр. 473.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ А. М. Аргутинский. Указ. соч., стр. 40.

изводится здесь почти исключительно усовершенствованными орудиями. В то время как многие селения пашут еще старинными деревянными плугами, в Воронцовке до 160 плугов системы Гене, Говарда, Рансолса, около 10 молотилок с конными приводами, масса куклеотборников и сортировок, сенокосилки, жатвенные машины и многое другое, чего прочим селениям не дождаться и в десятки лет. В последнее время в Воронцовке появились 4 мастерские, изготавливающие на месте плуги усовершенствованных систем. Плугами этими Воронцовка снабжает многие, даже отдаленные, селения»¹⁴⁷.

Мастерские по изготовлению плугов, находившиеся в Воронцовке, успешно конкурировали с соответствующими торгово-промышленными предприятиями Тифлиса. Нам неизвестно, в каком объеме поступала на рынок зерновая продукция воронцовских молокан, особенно овес, который они засевали на значительных площадях, но со своих покосных земель (7678 десятин) воронцовские молокане ежегодно сбывали на находившиеся за пределами Борчалинского уезда рынки 100 тыс. пудов сена¹⁴⁸. Важной статьей дохода воронцовских молокан являлся коммерческий извоз, обслуживавший рыночные нужды Тифлиса, Карса, Александрополя, Эривани, Владикавказа¹⁴⁹.

Селение Воронцовка все больше приобретало облик городского поселка: «Маленькие хатки по краям селения,— писал Аргутинский,— быстро сменяются прекрасными одно- и двухэтажными домами, с большими окнами, выкрашенными балконами и другими принадлежностями городской жизни. Архитектура домов, масса лавок, оживленное движение на улицах, а в особенности внутреннее убранство домов заставляют забывать, что находишься в селении с 272 дворами, более чем за 100 верст до ближайшего города»¹⁵⁰.

Однако благосостояние воронцовских, новомихайловских и многих других закавказских молокан, цветущий вид их поселков были не больше, чем фасадом их общественно-экономической жизни. Действительно, их хозяйства отличались развитостью производительных сил, выделявшей их не только из среды окружавшего православного населения, но и соседних с ними духоборов. Но в такой же мере молоканские поселения отличались от православных и духоборских глубиной социального расслоения и противоречий.

Превосходство молоканских поселений над православными и духоборскими в экономико-бытовом отношении было не чем иным, как отличием в уровне развития капиталистических отношений: православная деревня, опутанная пережитками крепостничества, уступала духоборческой, развивавшейся на товарно-капиталистических путях, равно как последняя уступала молоканской деревне, находившейся на более высокой ступени капиталистического развития. В этом и было все дело, и по-своему к пониманию этого подходили и дореволюционные экономисты и ста-

¹⁴⁷ А. М. Аргутинский. Указ. соч., стр. 99—100.

¹⁴⁸ Там же, стр. 114.

¹⁴⁹ Там же, стр. 39.

Коммерческий извоз составлял одну из первостепенных и постоянных статей обогащения молокан, специализировавшихся по транспортировке торговых грузов почти во всех кавказских губерниях. Более того, как сообщает В. П. Бочкарёв о молоканах Карской области, последние, «не ограничиваясь ролью перевозчиков грузов... иногда принимают на себя закупку товаров в больших торговых центрах и развозят их мелочным торговцам: это, так сказать, оптовые офени... Прежде, когда в Закавказье не было еще рельсовых путей, молокане развозили товары, делая концы из Владикавказа в Эривань, из Баку в Тифлис и Елисаветполь, нередко в Тавриз и даже в Эрзерум» (В. П. Бочкарёв. Карская область. Район Тифлиско-Карсской-Эриванской железной дороги в экономическом и коммерческом отношениях. Тифлис, 1897, стр. 369).

¹⁵⁰ А. М. Аргутинский. Указ. соч., стр. 38 (разрядка наша.—А. К.).

тистики, сталкивавшиеся с фактом различия в уровне благосостояния православных, духоборческих и молоканских крестьян.

А. М. Аргутинский, отмечая меньшую по сравнению с сектантскими поселениями социально-имущественную дифференциацию в православных поселениях, задумывался над связью этого явления с пережитками крепостничества в православной деревне¹⁵¹. Он же обратил внимание на то, что по сравнению с молоканами у духоборов «внешние условия их жизни не бросаются в глаза; здесь нет многоэтажных домов...», «зато нет того различия в благосостоянии односельцев, какое замечается в Воронцовке»¹⁵².

Воронцовские молокане широко пользовались наемным трудом. Так, А. М. Аргутинский писал: «Земледельцами воронцовские молокане могут быть названы только с натяжкою, так как полевыми работами они сами занимаются очень мало, предпочитая обращаться к наемному труду»¹⁵³. В губерниях Закавказья именно сектантские села первые породили тип эксплуататора-кулака. «Ни солидарности, ни заботы о соблюдении мирского интереса,— продолжает свою характеристику воронцовских молокан Аргутинский,— у них нет, и, как это можно было ожидать, кулачество, явление еще пока здесь новое, с каждым годом получает заметное развитие»¹⁵⁴.

Обратимся ли мы, вслед за характеристикой амурских и кавказских молоканских поселений, к поселениям молокан в Таврической губернии или в губерниях черноземного центра, мы всюду застанем картину развития капиталистического сельского хозяйства с непременной социальной дифференциацией молокан на капиталистов-хозяев, бедноту и пролетаризирующиеся элементы. Так, одним из крупнейших молоканских сел в Таврической губернии была Астраханка (Бердянский уезд), игравшая здесь в экономическом отношении примерно такую же роль, как Вороновка в Тифлисской губернии. В 1912 г. в Астраханке насчитывалось около 7 тыс. жителей, в том числе множество крупных земельных собственников, годовой оборот которых в урожайные годы достигал полутора миллиона рублей¹⁵⁵. В Астраханке имелись две паровые вальцовые мельницы, литейный завод и мастерские по изготовлению веялок, наиболее крупные из которых принадлежали молоканам Болотину, Кругову, Колосковым. Ежегодная продукция веялок составляла до 10 тыс. штук и поступала на рынки Сибири, Кавказа, центральных губерний. Молоканский автор П. Кременский в следующих словах описывал Астраханку: «Население имеет хороший заработок, опрятное, довольно, грамотное, село имеет 4 земские школы, банк, почтово-телеграфное отделение. Словом, счастливая Аркадия для русского крестьянина»¹⁵⁶.

Однако Астраханка была «счастливой Аркадией» лишь для буржуазных собственников из среды молокан. В селе развивалась настоящая классовая борьба между буржуазными верхами и беднотой, на земли которой наступали крупные собственники. Последние задумали в конце 90-х годов план переселения «малоимущих» собратьев из Таврической губернии в Оренбургскую, чтобы прибрать к рукам их земли и «округлить» собственные владения. Инициатива в этом деле принадлежала крупнейшему собственнику молоканину Захарову из села Астраханки Бердянского уезда Таврической губернии. В 90-х годах в Астраханке насчитывалось около 4500 жителей, владельческая земля которых составляла без малого 10 тыс. дес.

¹⁵¹ А. М. Аргутинский. Указ. соч., стр. 37.

¹⁵² Там же, стр. 41.

¹⁵³ Там же, стр. 39 (разрядка наша.— А. К.).

¹⁵⁴ Там же (разрядка наша.— А. К.).

¹⁵⁵ П. Кременский. Наболевший вопрос. «Духовный христианин», 1913, № 1 стр. 47.

¹⁵⁶ П. Кременский. Указ. соч., стр. 48—49.

Операция, задуманная Захаровым, осуществлялась под предлогом «обеспечения землею... потомства»¹⁵⁷, т. е. будущих поколений молокан. В 1890 и в 1893 гг. было приобретено «более 13 000 десятин земли в Оренбургской губернии с целью постепенного выселения на них молоканской бедноты. Операция эта состоялась при помощи Крестьянского земельного банка и по инициативе нескольких крупных землевладельцев из числа домохозяев Астраханки... которые расходовали притом свои деньги и, втянувшись своих односельцев в это дело, потребовавшее расхода более 270 000 рублей, забрали заведование купленными землями в свои руки»¹⁵⁸.

Земли, приобретенные в Оренбургской губернии, оказались неудобными, в результате чего план, рассчитанный на переселение малоимущих жителей Астраханки, сорвался. Инициаторы дела, Захаров и другие, в руках которых оказалось 13 тыс. дес., в Оренбургской губернии, превратили их в источник дохода, стали «отдавать землю участками на месте в аренду и под выпас скота»¹⁵⁹. Теперь это делалось под предлогом изыскания средств для погашения кредита, полученного в Крестьянском банке. В действительности же арендные суммы использовались Захаровым и его уполномоченными в Оренбургской губернии по их усмотрению. Мало того, Захаров добился общественного приговора «об отделении от наделов жителей Астраханки 2200 десятин и обращении их в оброчную статью, доходами с которой можно было бы дополнять суммы, недостающие на уплату в банк за оренбургские земли»¹⁶⁰.

Операция с покупкой оренбургских земель служит типичным примером крупной капиталистической аферы, жертвами которой стали малоимущие молокане. Хотя в целом план переселения малоимущих молокан в оренбургские земли не удался, в первом десятилетии XX в. в Александровском уезде Оренбургской губернии существовало все же молоканское поселение, носившее название «Астраханка»¹⁶¹.

Вскоре после провала плана переселения молокан из Астраханки в Оренбургскую губернию в буржуазных верхах молокаства возник план переселения малоимущих элементов секты в Семипалатинскую область, в свою очередь, продиктованный прямыми интересами капиталистической эксплуатации и наживы. «Несколько лет назад,— пишет в 1905 г. молоканский автор Андрей Болотин,— когда нашим братьям-капиталистам стало тесно жить в России, они заарендовали в Семипалатинской области огромную площадь кабинетских земель, что-то свыше ста тысяч десятин, как помнится, по 6 коп. за десятину. Чтобы иметь у себя дешевую, а если можно, и даровую рабочую силу, они задались целью навербовать из своих братьев сельчан-арендаторов, и ни много ни мало, как из третьей копны. Они хорошо знали, что голодающие братья найдут на такую приманку, им обещалось притом покровительство, им обещалась и такая дешевая испольная аренда, какой они у себя дома не пользуются. Дешевизна эта обходилась бы переселенцам от 7 до 10 руб. за десятину, и ни один брат-капиталист, приглашая к себе арендаторов с заведомым барышом в тысячу процентов, не покраснел от стыда»¹⁶². Мы не знаем, как «братья-капиталисты» реализовали свой план. По данным официальной статистики, к 1909 г. в Семипалатинской области проживало около 200 молокан¹⁶³.

¹⁵⁷ ЦГАОР, ф. 102. Общий отдел Департамента полиции, 1898, 12, ч. 2, л. 5 об.

¹⁵⁸ Там же, л. 5 об.— 6.

¹⁵⁹ Там же, л. 6.

¹⁶⁰ Там же, л. 6—6 об.

¹⁶¹ ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, ед. хр. 2580, л. 1.

¹⁶² Андр. Болотин. Впечатление посетившего юбилейное торжество... «Молоканский вестник», 1906, № 4—5, стр. 8.

¹⁶³ ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 133, д. 21, л. 386.

Явления расслоения и разложения в массе крестьянства, принадлежавшего к молоканской секте, развивались повсеместно, в больших и малых общинах, прогрессивно нарастали, достигали самых острых контрастов. В молоканском селе Марфинке Таганрогского округа Донской области, начиная с середины 90-х годов, все больше нарастал земельный голод, жертвами которого явились рядовые крестьяне-молокане. «Земля быстро выбывала из рук и, наконец, понизилась до того, что не может прокормить обрабатывающего хлебороба, и последний обречен на полуголодное существование», — читаем в корреспонденции из этого села¹⁶⁴. Правда, марфинские молокане (совместно с проживавшими в селе православными) скупали земли у окрестных помещиков, и в течение ряда лет в их руках собралось до 8000 дес. купчей земли, что составило бы на душу по 8 дес., если бы молокане придерживались заветов равенства, под знаком которого в свое время возникло их движение. В действительности масса молокан влачила «полуголодное существование», а купленные земли сосредоточились в руках сельских буржуа, таких, как Цапины-Шешневы, которые имели 3000 дес., Ковалевы, приобретшие 1000 дес., Селезневы, скопившие 1000 дес., и др.¹⁶⁵

В большом селе Мазурка Новохоперского уезда Воронежской губернии из 800 дворов молоканам принадлежали 35, причем хозяева 12 из них занимались торговлей и промыслами, один из домохозяев держал мануфактурную лавку, и трое были владельцами паровых мельниц. «...Братство наше,— писали из этого села в 1909 г.,— перестало стоять на страже духовного христианства, добрые дела и любовь друг к другу постепенно начали охлаждаться и заменяться заботой о себе, а не об общем благе»¹⁶⁶.

Мы ограничимся приведенными выше конкретными фактами, характеризующими экономическое развитие молоканских поселений и социальные противоречия в них. Подводя общие итоги полувековому пребыванию молокан в Закавказье, А. И. Масалкин отмечал в 1893 г., что, подобно тому, как это имело место «среди туземных жителей Закавказья», среди русских поселенцев наблюдается «постепенная мобилизация земель в руках немногих зажиточных и влиятельных личностей, что ведет к образованию класса малоземельных крестьян и батраков»¹⁶⁷.

Более обобщенную картину развития молоканства с пореформенного времени по начало XX в. дал Андрей Болотин в опубликованной в 1906 г. статье: «В царствование Александра II молокане получили право арендовать и приобретать в собственность крупные земельные участки,— писал он.— В то же время была уничтожена и черта оседлости.

Среди более состоятельных молокан явились стремление к переходу от мелкого земледельческого к крупному землевладельческому способу хозяйствования. К этому времени можно отнести начало упадка материального благосостояния и высоконравственной патриархальности, а вместе с тем и начало развития класса капиталистов... овцеводство перешло в руки немногих состоятельных лиц; большинство же — мелкие хозяева — остались при одном хлебопашестве. Но и хлебопашество с каждым годом теряло свою прелесть. Земля быстро выбывала из рук, надел все падал и падал и, наконец, понизился до того, что не мог прокормить обрабатывающего его землероба, и последний был обречен на полуголодное существование... Многие, естественно, перешли к новым формам хозяйства — ремеслам, многие пошли искать счастья на стороне»¹⁶⁸.

¹⁶⁴ «Описание села Марфинки Таганр. окр. Донской области». — «Духовный христианин», 1909, № 6, стр. 35.

¹⁶⁵ Там же, стр. 33.

¹⁶⁶ А. И. Хмыров. Духовные христиане в с. Мазурка Воронежской губ. «Духовный христианин», 1909, № 3, стр. 19.

¹⁶⁷ А. И. Масалкин. К истории закавказских сектантов. Молокане. Газ. «Кавказ», 1893, № 308.

¹⁶⁸ Андр. Болотин. Указ. соч., стр. 7.

Эта красноречивая картина классовых противоречий в молоканстве принадлежит перу молоканского автора, и не что иное, как острота этих противоречий, и побудила Болотина взяться за перо.

Пореформенная эпоха дала лишь новый и сильнейший толчок развитию классовых противоречий в молоканстве. Мы показали их начало в молоканской среде уже на рубеже XVIII—XIX вв. Размежевание на течения, произшедшее в молоканстве в первой половине XIX в. и охарактеризованное нами выше, и явилось религиозным выражением развивающихся в нем социальных противоречий.

В молоканстве «средние» слои крестьянства были представлены шире, чем в христововерии и духоборчестве, и с самого начала в составе молоканства относительно высок был удельный вес буржуазных элементов. Этим общественным силам в первую очередь молоканство обязано было своим распространением, особенно в последнее предреформенное десятилетие.

Течения, возникшее в молоканстве в первой половине XIX в., не размыли, однако, основного ядра секты. В пореформенное же время социальные противоречия охватили и привели в движение всю массу молокан.

Тот материал, который мы привлекли для характеристики экономического развития в молоканских поселениях и социальных противоречий в молоканской среде, показывает, что во второй половине XIX — начале XX в. молоканство в первую очередь стояло перед своими внутренними проблемами. Противоречия капиталистического развития, бедствия, которые нес капитализм, непосредственно олицетворенный в буржуазных верхах, господствовавших в молоканстве, являлись той действительностью, которая выдвигала перед молоканами и новые идеологические проблемы. Старое молоканское учение, критиковавшее казенную церковь, ее духовенство, идеологию, постепенно утрачивало прежнее значение. Деспотическое православие и его прислужничество крепостникам как были, так и оставались для молокан ненавистными, но и в губерниях Кавказа, и в Сибири, и на Дальнем Востоке, и даже в губерниях черноземного центра и Поволжья масса рядовых молокан непосредственно и повседневно страдала от капиталистической эксплуатации и насилия своих же единоверцев.

Новые условия, в которых оказалась молоканская масса, преломляли (и притом под острым углом) общие противоречивые условия пореформенного развития капитализма в России. Само собой разумеется, что почва капиталистических противоречий плодила религиозные идеи, отличавшиеся от тех, которые возникали на почве противоречий крепостной эпохи, хотя и эти последние отнюдь не снимались. Религиозные, этические, социальные представления, составившие молоканское учение в пору его первоначального развития, не могли послужить хотя бы и исходным пунктом для идеологического оформления внутренней борьбы на той ступени развития молоканства, когда отношения между низами и верхами секты получили выраженный характер отношений капиталистического господства и подчинения.

В этих условиях становилась неизбежной полная «смена вех», смена всех идеологических принципов и организационных начал, которые характеризовали не только молоканство, но и вообще сектантство как религиозную форму демократического движения, как явление антифеодального протеста под религиозной оболочкой.

Эту «смену вех» принес баптизм.

3. Молоканство в начале XX в.

При всем том, что молоканство в царской России находилось в положении преследуемого вероучения, его буржуазные верхи неизменно выступали с поддержкой монархизма, всех основных направлений внутренней и внешней политики царизма. Мы уже отмечали верноподданныческие

декларации представителей донского толка в молоканстве, сделанные ими еще в самом начале XIX в. и разделявшиеся купеческими элементами молоканства, не принадлежавшими к донскому толку. Нас интересует политическая линия молоканских верхов в период империализма, но она имеет свои традиции, о которых стоит напомнить, хотя бы и потому, что позднейшие представители молоканства сами на них ссылались, добиваясь от самодержавия тех или иных уступок, в которых они были заинтересованы.

Мы сошлемся на содержащий ценную историческую справку документ — письмо молокан поселка Астраханки Оренбургской губернии, написанное в 1913 или в 1914 г. и адресованное лидеру кадетской партии П. Н. Милюкову. «Вам известно, что молокане Таврической губернии во время Севастопольской войны отличались полным самоотвержением,— писали составители этого документа.— Доставляли провизию в пыл сражений, приготавливали перевязочные средства, свои жилища уступали раненым, оставаясь сами без крова (имеется высочайшая грамота).

Во время русско-турецкой войны кавказские молокане помогали делать переправы и доставлять провиант»¹⁶⁹.

Авторы письма при этом умалчивали о громадных барышах, которые им, как и духоборам, приносили поставки в армию, а также военные перевозки.

«Кто, зная наших закавказских молокан,— спрашивал в 1893 г. в газете «Кавказ» А. И. Масалкин,— может сказать, что они, если не открыто, то тайно еще исповедуют теоретически свой взгляд на закон, власти и т. д., как он был первоначально формулирован у них?» Масалкин приходит к выводу, что молоканство совершенно утратило «внутренний смысл своего учения в области социальных вопросов», и заключает: «Так отрезвляющее подействовал Кавказ на их утопии о полнейшем братстве, равенстве, об отсутствии должностей и т. д.»¹⁷⁰.

При том господствующем положении, которое занимали в молоканстве различные буржуазные предприниматели, из круга социально-религиозных понятий молоканства давно были вытеснены всякого рода утопии о «царстве божии» на земле, что отнюдь не свидетельствует о совпадении общественных взглядов верхов и низов секты.

В этом отношении несколько более уточняющей представляется характеристика настроений в молоканстве, содержащаяся в донесении главноначальствующего гражданской частью на Кавказе министру внутренних дел Сипягину от 28 декабря 1901 г. Главноначальствующий придавал значение влиянию на часть молокан толстовской пропаганды, указывал на «беспокойные» элементы среди молоканских течений, отделившихся в свое время от основной массы молокан, как, например, прыгунов и др. В то же время в полном согласии с приведенной характеристикой Масалкина главноначальствующий доносил: «Сектанты же, остающиеся верными старому молоканскому толку, отличаются корректностью и исполняют беспрекословно все правительственные распоряжения и требования, относясь даже критически к волнующейся части сектантского населения»¹⁷¹.

Буржуазные верхи молоканства оказали поддержку царизму в русско-японской войне, отдавая себе отчет в том, что ход военных событий имеет непосредственное влияние на обострение политической обстановки в стране. Как сообщала газета «Утренняя звезда» в статье, посвященной амурским молоканам, «во время русско-японской войны молоканское общество отозвалось своими пожертвованиями на дело Красного Креста и т. п.». И что особенно примечательно: «При окончании войны молокане органи-

¹⁶⁹ ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, ед. хр. 2580, л. 3.

¹⁷⁰ А. И. Масалкин. Указ. соч., стр. 3.

¹⁷¹ ОРФ, сектор «Ц», раздел VI, д. 10, л. 43.

зовали широкую благотворительность для возвращающихся войск, раздавались сотни пудов хлеба и провизии. В результате в Благовещенске не было никаких буйств и излишеств»¹⁷². В цитированном уже письме молокан П. Н. Милюкову отмечались прямые военные заслуги молокан: «...каждый из молокан охотно идет в солдаты. На службе ведут себя образцово. Редкий из них не заслуживает унтер-офицера. В японскую войну многое произведено в чин зауряд-прапорщика и зауряд-чиновника»¹⁷³.

Один из виднейших и реакционнейших деятелей молоканства — З. Д. Захаров, о котором мы уже упоминали в связи с аферой при покупке молоканами земель в Оренбургской губернии, в прошении на «высочайшее имя» (в марте 1909 г.) добивался прав на производство молокан в унтер-офицерские чины. Он характеризовал молокан как зарекомендовавших себя ревностных военных служак: «Мы несказанно гордимся, что между нами нет укрывающихся от военной службы, нет дезертиров, нет почти оштрафованных. Напротив, наши военнослужащие часто получали повышения, а большинство являлось домой в чинах унтер-офицера и фельдфебеля»; вслед за этим Захаров сообщал о каких-то молоканах, бывших личными телохранителями Александра II и Александра III¹⁷⁴.

Молоканские верхи разделяли с классом буржуазии глубокую враждебность революционной борьбе народа, одновременно выпрашивая именно на этом основании подачки у самодержавия. Буржуазные руководители тифлисского общества молокан в 1905 г. писали: «В переживаемое нами тревожное время, когда дорогое наше отчество постигло великое несчастье — тяжкая война с Японией, бессильная борьба с внутренними неурядицами, когда некоторые слои населения России заявляют свои требования путем стачек, забастовок и бунтов,— мы же, как верные сыны России, вполне разделяя все горе и несчастье дорогого нашего отечества, сочли за лучшее заявить о своих нуждах путем законным и справедливым...»¹⁷⁵.

Молоканские реакционные идеологи всячески убеждали самодержавные власти в непричастности молокан к событиям революции 1905 года. Один из них, подписавший инициалами С. Б. сентиментальный некролог по случаю смерти кадетского лидера Карапурова, признавал, что «многие сектанты интересуются» политикой¹⁷⁶, но в то же время с восхищением цитировал речь Карапурова в Думе: «В дни революции, в дни, когда пылали усадьбы, руки сектантов не прикасались к этому»¹⁷⁷. Религиозная идеология сектантства, в данном случае молоканства, действительно, парализовала волю его рядовых участников. Известный идеолог и деятель молоканства Н. Ф. Кудинов подтвердил как факт изоляции основной массы молокан от участия в событиях революции 1905—1907 гг., так и указал на одну из важных причин этого: «Духовное христианство, пережив все испытания, по своему внутреннему убеждению не примкнуло к общему массовому народному движению, оно осталось в стороне»¹⁷⁸.

Буржуазные промышленники и фермеры, принадлежавшие к молоканству, осуществили ряд монархических демонстраций в годы русско-японской войны и в годы первой русской революции, что явилось внешним выражением той повседневной политики, которую они проводили в молоканских массах. Чем больше обострялась классовая борьба в стране, чем шире в массе рядовых молокан росло недовольство и сопротивление эк-

¹⁷² «Утренняя звезда» от 22 января 1910 г.

¹⁷³ ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, ед. хр. 2580, л. 3—3 об.

¹⁷⁴ ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 133, ед. хр. 133, л. 74.

¹⁷⁵ «Отчет о Всероссийском съезде духовных христиан (молокан), состоявшемся 22 июля 1905 года». Тифлис, 1907, стр. 5.

¹⁷⁶ С. Б. По поводу кончины В. А. Карапурова. Журн. «Молоканин», 1910, № 8—9, стр. 68.

¹⁷⁷ Там же, стр. 80.

¹⁷⁸ Н. Ф. Кудинов. Духовные христиане. Молокане. Краткий исторический очерк. Владикавказ, 1913, стр. 43—44 (разрядка наша.—А. К.).

плуатации и насилию, тем безоговорочнее молоканские заводовладельцы, предприниматели, фермеры выступали на поддержку буржуазно-дворянской империи.

Волна монархических демонстраций молоканской буржуазии поднялась особенно высоко в годы первой империалистической войны. Во время пребывания в 1914 г. в Тифлисе Николая II ему были представлены две молоканские депутации: одна из представителей городской общины во главе с М. И. Пигаревым и другая от Воронцовки — первенца молоканского буржуазного фермерства в Закавказье — во главе с С. К. Жабиным.

Были произнесены речи: «Ваше императорское величество,— обращался к Николаю II С. К. Жабин,— ...под покровом всемогущего бога, под сенью державы вашего императорского величества и с мудрыми вашими правителями, мы живем осчастливленными в Закавказском крае»¹⁷⁹.

Жабин был человек «дела» и, приветствуя Николая II, не преминул вспомнить «мудрых и разумных советников для управления далеким Кавказом в лице нашего досточтимого графа И. И. Воронцова-Дашкова и верных его помощников и слуг»¹⁸⁰.

Речь выступившего затем М. И. Пигарева была, в свою очередь, выдержана в духе монархического сервилизма: «Мы, молокане, верные сыны твои, великий государь. Прими наше верноподданническое чувство и любовь к тебе, государь, в дни тяжелого испытания нашей родины»¹⁸¹. Как передает молоканский автор, описавший эту сцену верноподданнических взаимий молоканских деятелей, «государь император сказал молоканам сердечное спасибо за их любовь и преданность и за выраженные ими чувства»¹⁸².

Год спустя в наместническом дворце в Тифлисе разыгралась и вовсе символическая сцена, участниками которой, с одной стороны, явился великий князь Николай Николаевич и его свита, с другой — девять воронцовских и новомихайловских молокан во главе с пресловутым С. К. Жабиным. Последний преподнес «его императорскому высочеству» Библию и изложение вероучения молокан¹⁸³.

Молоканские проповедники в годы империалистической войны разжигали шовинистические страсти и заодно с контрреволюционными помещиками, буржуазией и их прислужниками помогали обманывать народы, сея иллюзии, что победа Антанты явится окончательной победой над войной. «...Желаете ли вы,— риторически воскликнул известный молоканский идеолог В. А. Данилов,— чтобы война продолжалась... или хотите, чтоб эта была последней войной? Если желаете первого, помогайте Германии и ее союзникам, если хотите, чтоб эта была последней войной, идите, потребуйте от своих правительств, чтоб они присоединились к тройственному «Согласию»... Не могут два великих народа, монголо-финно-славянский и англосаксонский, подчиниться... и свою религиозную душу отдать в распоряжение языческому деспотизму Вильгельма и тайным стремлениям масонов»¹⁸⁴.

В этом же духе выступал и «прогрессивный» деятель молоканства Н. Ф. Кудинов: «...и да посыпятся все наказания на главу второго Ирода — Пилата — Вильгельма II»¹⁸⁵.

Обобщенную оценку настроений молокан в связи с событиями первой

¹⁷⁹ «Его императорское величество на Кавказе». — «Духовный христианин», 1914, № 12, стр. 4.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же, стр. 5.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ «Тифлисский листок» от 1 октября 1915 г.

¹⁸⁴ В. А. Данилов. С кем мы ведем войну и как ее окончить. «Духовный христианин», 1916, № 1—2, стр. 11.

¹⁸⁵ Н. Ф. Кудинов. О войне. «Духовный христианин», 1914, № 10—11, стр. 117.

империалистической войны мы находим в записке «О военной службе молокан (1915—1917)», составленной в министерстве внутренних дел, «Военное министерство,— говорилось в этой записке,— ...получает с места наибольшего расселения молоканства наилучшие отзывы о служении молокан государственным интересам путем непосредственного отбывания воинской повинности, вследствие чего поднят даже вопрос о пересмотре существующего до последнего времени воспрещения приема молокан в офицерский корпус»¹⁸⁶. Инициатива в вопросе о производстве молокан в офицерские чины, исходившая от ряда молоканских деятелей, встретила полную поддержку военного министерства и несколько ограниченную поддержку министерства внутренних дел: «Со своей стороны, управляющий МВД кн. Н. Б. Щербатов... высказался за отмену отрицательного отношения к производству молокан в офицеры, признавая, что таковое воспрещение должно быть оставлено лишь в отношении последователей молоканских сект «прыгунов», общих и толстовцев, и субботников»¹⁸⁷.

Постановке вопроса о производстве молокан в офицерские чины несомненно дали толчок мероприятия царизма, имевшие место в 1905 г., которые ослабили узкосословные принципы комплектования офицерского корпуса: в 1910 г. были отменены сословные ограничения при приеме в военные училища. В духе этой политики и действовали представители военного министерства и министерства внутренних дел, склоняясь к положительно-му решению вопроса о допущении молокан к производству в офицерские чины. И все же вопрос не был разрешен ввиду непреклонно отрицательного отношения к нему Синода.

При характеристике политического курса, которого придерживались буржуазные круги молоканства, наиболее «левые» представители которых стояли на позициях кадетизма, необходимо отметить их воинственно-враждебное отношение к марксизму, к большевикам.

Один из активнейших сотрудников молоканского органа «Духовный христианин», Д. Зайцев, выступил в 1914 г. с клеветнической и шовинистической статьей, в которой изображал учение Маркса как один из компонентов идеологии насилия, поставленной на службу пангерманизма. Зайцев писал о Марксе: «...Знаменитый германский муж поднес миру как некое откровение тот же самый принцип насилия, но под другим соусом»¹⁸⁸. В сущности статья Зайцева предвосхищала черносотенную выдумку о большевиках как «германских шпионах». Более всего ненавистными были для Зайцева идеи Коммунистического манифеста о международной солидарности пролетариата, об экспроприации экспроприаторов. «Слабые, соединяйтесь и давите сильных,— кликуществовал Д. Зайцев,— давите и забирайте все, что принадлежит им, и по сему торжественному случаю апостол насилия издал даже знаменитый манифест...»¹⁸⁹.

Другой молоканский деятель, В. А. Данилов, со страниц того же печатного органа выступил со статьей, в которой издевательски писал о речи большевистского депутата Думы Г. И. Петровского: «Мы атеисты... наш товарищ Бебель сказал: небо мы предоставляем воробьям...»— так в Государственной Думе начал свою речь депутат Петровский»¹⁹⁰.

Данилов повел атаку против пролетарского атеизма: «Мы атеисты» — гордо заявляет Петровский... зачем эта фраза? Кто их спрашивает о их вероуповании? Кто интересуется атеизмом Бебеля и его последователей? И дальше: «Знаменательно в приведенной фразе Бебеля то, что небо предоставляется воробьям. Между тем есть другие птицы, способные

¹⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 133, ед. хр. 213, л. 41.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Д. Зайцев. Идолы и война. «Духовный христианин», 1914, № 10—11, стр. 7.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ В. А. Данилов. Атеисты воробышного неба. «Духовный христианин», 1914, № 6, стр. 54. (См. речь Г. И. Петровского выше, стр. 10—14 данной работы).

высоко подниматься»¹⁹¹. Из ближайших строк статьи Данилова читатель узнавал: «Страдания одних (Данилов пишет о пролетариате.— А. К.) — почва, на которой растет сила и гордость других»¹⁹².

Чьи же сила и гордость? Капиталистов? Ничего подобного! Капиталисты в статье Данилова не фигурируют. Так чьи же все-таки сила и гордость растут на почве страданий пролетариата? Тех, оказывается, злопыхательствовал Данилов, кто, подобно Бебелю, подобно идеологам и вождям пролетариата, указывает пути революционной борьбы с капиталом: «В погоне за хлебом они (пролетарии.— А. К.) становятся орудием, послуженным, слепым орудием в руках гордын честолюбивых, идущих к власти над ними и через них к славе мира сего. Страдания одних — почва, на которой растет сила и гордость других»¹⁹³.

Статья Данилова — пример избитой буржуазной клеветы на революционный пролетариат и его вождей.

Социальное разложение молоканства, засилие в нем буржуазно-эксплуататорских элементов привели широкие слои молокан к глубокому разочарованию в «учении предков». С одной стороны, наблюдалось безучастие верующих к делам религиозных общин, к молитвенным собраниям, нравственный упадок; в этой обстановке с успехом действовали баптистские, а потом и адвентистские проповедники. С другой стороны, в молоканских общинах назревал протест, иногда еще облекавшийся в религиозные формы, но чаще всего выражавшийся в открытых социальных обличениях, направленных против эксплуатации и духовной диктатуры буржуазных верхов секты. Это явление было новым, оно ширилось, причем социальная критика, направленная против молокан-капиталистов, нередко достигала высокой степени обобщения и обрушивалась на политическое и всякое иное сотрудничество верхов секты с кровавым царизмом.

Пробуждение политического сознания рядовых молокан стояло в прямой связи с назреванием революционного кризиса в начале XX в., с первой буржуазно-демократической революцией в России. Революционная борьба освобождала все большее число молокан от религиозной идеологии. Но в тех еще многочисленных случаях, когда сила религиозных предрассудков продолжала сохранять свою власть, молокане, если они не переходили в другие секты, оставались таковыми лишь по инерции, по традиции. В этой обстановке начался развал молоканского движения, признаки которого обнаружились еще в 80-е и быстро нарастали в течение 90-х годов XIX и начале XX в.

Оценивая это время, молоканский деятель Н. Ф. Кудинов писал: «Баптизм с такою быстротою распространился по России, что, казалось, эта лавина сметет молоканство...

Главной задачей их проповедников (баптистских.— А. К.) было делать как можно чаще набеги на молоканские общины, где они пожали обильную жатву... И пока молокане собирались с духом отразить нападение баптистов, последние уже завоевали главные позиции»¹⁹⁴. Со своей стороны, деятели баптизма, основываясь на успехе своей проповеди среди молокан, предрекали молоканству неизбежную и скорую гибель: «...что же будет с молоканами? — читаем в одной из статей, опубликованных в журнале «Баптист», — ...мы можем предполагать, что оно идет верными и быстрыми шагами к уничтожению, как дерево, корни которого давно засохли, стоит без всякой пользы: ни тени, ни плодов, одно лишь воспоминание»¹⁹⁵.

¹⁹¹ В. А. Данилов. Атеисты воробышного неба. «Духовный христианин», 1914, № 6, стр. 57.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же, стр. 59.

¹⁹⁴ Н. Ф. Кудинов. Духовные христиане. Молокане. Краткий исторический очерк. Владикавказ, 1913, стр. 39—40.

¹⁹⁵ Baptist. Молодые молокане. «Баптист», 1912, № 43, стр. 11.

Миссионеры, выступавшие на IV миссионерском съезде в Киеве в 1908 г., приходили также к заключению, что «молоканство — секта разлагающаяся, вымирающая, кто придет, тот и возьмет ее; теперь к молоканам идут с проповедью штундисты и совращают их в свою секту»¹⁹⁶.

Сведения, поступавшие в начале XX в. в министерство внутренних дел, подтверждают и дополняют картину развала молоканского движения. По данным, поступавшим из Владимирской губернии, «на молитвенных их (молокан) собраниях в последнее время можно встретить лишь одних стариков и старух, молодежь же обнаруживает или тупое равнодушие или заражена атеизмом.

Наиболее интенсивную деятельность в пропаганде своего вероучения проявляет штундо-баптизм»¹⁹⁷.

Аналогичная информация поступала и из Саратовской губернии: «Молоканство начинает распадаться. По сведениям миссионеров, среди молокан в последнее время наблюдаются индифферентное отношение к вопросам веры, охлаждение к посещению молитвенных собраний, особенно среди молодого поколения, и переход в баптизм и даже неверие»¹⁹⁸.

Пополнение баптизма за счет молокан не покрывало всей утечки молоканских кадров, часть которых вообще порывала с религией. Н. Ф. Кудинов в очерке, посвященном истории молокан, утверждает, что в конечном счете молоканству удалось отбить натиск баптизма¹⁹⁹. В начале второго десятилетия нашего века переход молокан в баптизм, по-видимому, несколько притормозился, что отчасти объясняется ответными мерами, проведенными руководителями молокан, а главным образом глубокими внутренними противоречиями в самом баптизме, развившимися и выявившимися к этому времени. Но еще задолго до этого в недрах молоканства возникло течение, родственное баптизму.

В первой половине 80-х годов XIX в., т. е. приблизительно ко времени, к которому относятся приводимые нами выше данные об экономическом развитии и социальных противоречиях в молоканских поселениях, возникло так называемое новомолоканство — религиозный толк, названный, может быть, не случайно по аналогии с новоменнонитством, появившимся в начале 60-х годов XIX в. в меннонитских колониях. Новоменнонитство, или меннонитская братская община, являлось баптистским течением в меннонитстве. Но и новомолоканство, или христиане евангельского исповедания, было течением баптистского типа в молоканстве.

Руководителем новомолоканства был известный нам богатейший буржуазный собственик З. Д. Захаров, впоследствии член III Государственной Думы. Центром нового течения стало село Астраханка Бердянского уезда Таврической губернии. Возникшее на базе донского толка в молоканстве, что само по себе весьма характерно, захаровское течение вовлекло в свои ряды многих сторонников донского толка в Таврической губернии²⁰⁰. В начале XX в. оно имело общины еще и в Кубанской и Терской областях, в Ставропольской, Оренбургской, Самарской, Владимирской, Харьковской и Московской губерниях.

Подобно тому, как это имело место в донском толке, последователи Захарова признавали таинства крещения (крещение производилось водное), причащения, покаяния, брака, слеосвящения. Но в отличие от дон-

¹⁹⁶ «Прибавления к Церковным ведомостям», 27 сентября 1908 г., № 39, стр. 1893.

¹⁹⁷ ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 133, ед. хр. 21, л. 108 об.

¹⁹⁸ Там же, л. 143.

¹⁹⁹ Н. Ф. Кудинов. Указ. соч., стр. 43—46.

²⁰⁰ «...В Бердянском же уезде имеются три огромные молоканские колонии — Астраханка, Ново-Васильевка и Шавкой (в первой и последней находились преимущественно молокане донского толка.— А. К.) с десятью тысячами молокан (из более чем 11 000 молокан по всей губернии.— А. К.), половина которых совратилась в баптизм или новомолоканство» (Николай Вортовский. Отчет о состоянии расколо-сектантства в Таврической епархии за 1910 год... Б/м, 1911).

ского толка они, как следует из документов министерства внутренних дел, «в своем догматическом учении (в учении о грехе, оправдании и т. п.), в богослужебном строе и во внутренней организации общины приближаются к баптистам и ев[ангельским] христианам»²⁰¹.

Преобразование ряда общин донского толка в захаровские, с одной стороны, свидетельствует о том, насколько догматика баптизма и его церковный строй «вынашивались» в молоканстве, независимо даже от проповеди баптистских миссионеров, а с другой — показывает, на каком именно фланге молоканского движения появились ранние побеги баптизма.

Руководимая Захаровым организация была централизованной. Ее высшим органом являлся Всероссийский евангелическо-христианский комитет, возглавлявшийся Захаровым и установивший связи с Всемирным евангелическим союзом. Деятель этого Союза, богослов Жак, владевший русским языком, был выписан Захаровым из Германии и поставлен во главе богословского училища, созданного в Астраханке для подготовки кадров евангелических «благовестников». Всемирный евангелический союз, как и связанная с ним организация Захарова, в догматическом отношении были близки баптизму. В пределах протестантских религиозных принципов «евангелические христиане» стремились согласовать лютеранское и реформатское вероучения.

В социально-политическом отношении созданная Захаровым организация «христиан евангелического исповедания» представляла собой неприкрытый никакой либеральной фразеологией орган буржуазной реакции. По отзыву (в 1910 г.) вице-директора департамента полиции Зубовского, «сам Захаров известен как убежденный монархист»²⁰².

В составленных Захаровым «Кратких правилах веры» были формулированы не только родственные баптизму догматическо-церковные положения, что во всяком случае укладывается в понятие «правила веры», но и были возведены в «правила веры» безоговорочная поддержка царизма и категорическое осуждение «непокоряющихся властям»: «Вера наша повелевает нам повиноваться властям, угрожая гневом божиим непокоряющемуся властям, как преступнику, который божию установлению противится... Мы считаем себя обязанными повиноваться законам правительства, так как по св. писанию «сердце царя в руке его (божией)» и потому все законы, исходящие от государя, начертываются под влиянием промысла божия во благо народа»²⁰³.

Политические позиции руководителей «евангелических христиан» были ближе всего октяристским. Царские манифести от 17 апреля и 17 октября с их вероисповедными и конституционными «свободами» рассматривались «евангелическими христианами» как «начертанные» «под влиянием промысла божия».

В разгар событий первой буржуазно-демократической революции в Астраханке созван был очередной съезд «евангелических христиан», на котором, помимо делегатов от общин, присутствовали представители германской и шведской евангелических миссий. Съезд обратился к председателю совета министров Столыпину с телеграммой: «Вследствие указа государя императора от 17 сего октября мы, собравшиеся в селе Астраханке депутаты евангелических христиан из разных мест России, помолившись господу богу, покорнейше просим вас повергнуть к стопам царя — помазанника божия верноподданнические чувства наши»²⁰⁴.

Далее следовало выражение полной солидарности с обманными царскими манифестами 17 апреля и 17 октября: «Также выражаем полную на-

²⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 133, ед. хр. 181, л. 42.

²⁰² ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 133, ед. хр. 213, л. 3—3 об.

²⁰³ ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 133, ед. хр. 213, л. 4 (разрядка наша.—А. К.).

²⁰⁴ «Журнал заседаний второго всероссийского съезда христиан евангелического исповедания». Мелитополь, 1906, стр. 16.

дежду, что царское правительство сумеет провести в жизнь волю государя, выраженную манифестами 17 апреля и 17 октября прошлого года в полной мере»²⁰⁵.

В заключение высказывались симпатии и сочувствие лично Столыпину в связи с покушением на него: «Выражаем наше полное сочувствие и радость, что господь избавил вас от страшной опасности 12 августа»²⁰⁶.

Каратель Столыпин был политическим героем буржуазных дельцов из Всероссийского евангелическо-христианского комитета. Со своей стороны, он сам не был чужд симпатий верхам молоканского движения: в идеях его контрреволюционной аграрной политики маячили и живые образцы молоканских кулацко-фермерских хозяйств.

Ответная телеграмма Столыпина — Захарову: «Искренне благодарю депутатов евангелических христиан за выраженное мне доброе сочувствие»²⁰⁷ — могла явиться актом любезности, конечно, не без политического оттенка. Но примечательно свидетельство, о котором мы узнаем из журнала «Сектантский вестник»: «Мы припоминаем очень благоприятный отзыв об амурских молоканах покойного П. А. Столыпина, после него наместник Кавказа говорит о нас еще громче, еще сильнее»²⁰⁸.

Организация «евангелических христиан» не имела большого успеха в молоканстве. Сфера ее влияния ограничивалась преимущественно последователями донского толка, притом что многие из них пошли за проповедниками баптизма.

Однако политических расхождений с Захаровым руководители молоканства не имели. Приведенный выше материал, характеризующий политические позиции верхов молоканства в период русско-японской войны, революции 1905 г., первой мировой войны, свидетельствует о тождестве интересов и воззрений руководящих кругов молоканства, что не исключало расхождений между ними в вопросах политической тактики.

Разногласия между Захаровым и остальными руководителями молоканства ограничивались областью религии и, в частности, отражали борьбу за руководство молоканским движением. К тому же опыт перестройки донского толка на началах «евангелического христианства» показал несостоятельность этой попытки преградить доступ баптистской проповеди в среду молокан путем тех или иных вероисповедных уступок баптизму.

Баптизм явился наиболее преуспевающим, но отнюдь не наиболее устрашающим противником молоканских руководителей.

Какими бы религиозными путями ни были оплетены умы рядовых молокан, ход классовой борьбы не мог не подтачивать религиозные пути молоканства, более того, не мог не истончать и не прорывать религиозной оболочки сектантского движения вообще. Социальные противоречия в молоканстве, особенно обострившиеся в конце 80 — начале 90-х годов, наблюдались в условиях начинавшегося пролетарского этапа в освободительном движении в России. По мере назревания в России в начале XX в. революционного кризиса, разрешившегося буржуазно-демократической революцией, не только усиливалось давление низов молоканства на верхи, но и умножались факты, свидетельствовавшие о пробуждении и росте классово-политической сознательности среди рядовых молокан. Особенно сильный толчок этому дала революция 1905—1907 гг. Среди рядовых молокан все острее вставал вопрос о том, что надо сделать, «чтобы освободить бедных братьев из-под власти богачей?..»²⁰⁹

²⁰⁵ «Журнал заседаний второго всероссийского съезда христиан евангелического исповедания», стр. 16.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ «Сектантский вестник», 1913, № 5, стр. 1—2.

²⁰⁹ Т. Панкратов. Возлюбленные и дорогие в господе братья. «Молоканский вестник», 1906, № 6, стр. 11.

Ответы на этот вопрос давались самые различные, в том числе и в духе христианского социализма, когда предлагалось «просить исправиться» богачей, «организовать общебратские кассы для помощи братьям», «завести в каждой общине запас зернового хлеба для выдачи неимущим братьям на обсеменение поля»²¹⁰. Все это предлагалось делать «по примеру апостолов и христиан их времени»²¹¹.

Конечно, подобные рецепты интересны только в том отношении, что они ясно показывали: от вопроса, как «освободить бедных братьев из-под власти богачей», уже никуда нельзя было деться. Но нужно отметить и другое. В статье «Задача сознательных молокан», опубликованной в журнале «Молоканский вестник», молодежь горячо призывалась к борьбе с «умственной спячкой» рядовых молокан, «благодаря которой капиталисты держат братьев в своих золотых эксплуататорских руках», к ополчению «на все недостатки окружающей нас жизни, жизни, властителями которой являются самодержцы всякого рода и вида»²¹².

Правда, этот призыв все еще оставался в рамке религиозной идеологии, и молоканская молодежь призывалась бороться против засилья капиталистов «в духе молоканства». И все же содержание названной статьи, являвшейся своего рода программным документом, противоречило и «духу молоканства», и политике его буржуазных деятелей, в том числе и либеральных. Молоканские руководители клеймились вечным позором, как капиталисты, раболепствующие перед кровавым царизмом.

Если одни молокане организовывали в тех или иных формах демонстрации монархического верноподданничества по случаю царских манифестов 17 апреля и 17 октября, то другие отдавали себе отчет в демагогических маневрах царизма и его прислужников, в том числе и молоканских. В цитируемой статье читаем: «Насколько сильна в данное время власть капиталистов-молокан среди нашего братства... можно судить по следующему факту, имевшему место в городе Баку. После жалкой подачки всем сектантам, а в частности и молоканам,— «свободы вероисповеданий», в виде манифеста 17-го апреля, наши заправилы-толстосумы, чувствуя подъем «патриотизма», решили, решили, говорю, отправиться на лобное место в городе и там совершить торжественное богослужение»²¹³.

Если одни молокане всячески поддерживали империалистическую русско-японскую войну, искали для нее религиозного оправдания, то другие разоблачали прислужничество и ханжество своих буржуазных верхов. Продолжая свое описание, автор цитируемой статьи обличал «толстосумов-руководителей»: «Скоро обширная площадь была запружена нашим братством, и здесь, на этом позорном отныне для молокан месте, толстосумы-руководители, увлекая за собой массу, положили на наше братство позорное пятно. С евангелием в руках здесь было одобрено убийство.

Просили бога любви о даровании победы русскому оружию.

Просили, чтобы сила японцев была сокрушена, т. е. просили, чтобы русские как можно больше убивали японцев»²¹⁴.

Автор статьи выступал далее против «самодержцев всякого рода и вида», начиная с самодержца на русском престоле и кончая прислуживавшими ему маленькими «самодержцами». Он обличал кровавые провокации царизма, севшего национальную рознь между народами: «...наши капиталисты-заправилы не погнувшись работать и поклоняться как представители молоканства перед теми, у которых руки были запачканы в армяно-татарской крови. Они постыдно жали окровавленные руки пала-

²¹⁰ Т. Панкратов. Возлюбленные и дорогие в господе братья. «Молоканский вестник», 1906, № 6, стр. 11.

²¹¹ Там же.

²¹² «Молоканский вестник», 1906, № 4—5, стр. 50.

²¹³ Там же, стр. 52 (разрядка наша.— А. К.).

²¹⁴ Там же.

чей бедного русского народа. Они туда же тащили молоканскую массу»²¹⁵. При подобных высказываниях, отражавших настроения передовой части рядовых молокан, руководители молоканства не могли не сознавать, что религиозная привязь, на которой им еще удавалось тащить за собой массы, может порваться. Конечно, статье «Задача сознательных молокан» присуща религиозная окраска, в частности, в ней проскальзывают толстовские мотивы. И все же, вникая в ее содержание, можно видеть ее связь с сообщениями тех официальных документов, в которых указывалось, что в среде молоканской молодежи появились религиозный индифферентизм и даже случаи неверия и атеизма.

Нельзя не признать, что после того, как в массе молокан стал дебатироваться вопрос, как «освободить бедных братьев из-под власти богачей», и во всеуслышание было заявлено о связи интересов молокан-капиталистов с кровавым царизмом, статьи в молоканском «Духовном христианине», направленные против марксизма и, в частности, против пролетарского атеизма, не только характеризовали общие классово-политические позиции верхов молоканства, но и имели конкретную цель борьбы с ростом классово-политического сознания его низов.

Тех представителей рядовой массы молокан, которые сознавали, что их «капиталисты-заправилы» «постыдно жмут» кровавые руки царских «пальчай бедного русского народа», нельзя было обмануть ни обанкротившимися идеями традиционного молоканства, ни идеями «евангелического христианства», ни идеями баптизма.

В этих условиях была затеяна попытка подновить религиозные идеи молоканства, убрать из него то, что все равно было скомпрометировано и вызывало лишь осуждение передовых его элементов.

В конце 90-х годов по инициативе А. С. Проханова, брата И. С. Проханова (сперва видного деятеля баптизма, а потом организатора Союза евангельских христиан), было основано Общество образованных молокан. Программа общества предусматривала «объединение образованного сектантства на почве такого мировоззрения, которое исключало бы всякое противоречие между религией и наукой и приводило бы их во взаимную гармонию»²¹⁶. Если бы такое «объединение» удалось, то следующей его задачей было бы «преобразование традиционного (т. е. народного) сектантства при помощи этого научного, но религиозного мировоззрения»²¹⁷.

Перед лицом религиозного индифферентизма, охватывавшего рядовых молокан, особенно молодежь, и случаев прямого разрыва с религией молоканские руководители стали сеять иллюзии о совместимости религии и науки. Они пошли на открытый отказ от тех идеологических позиций, которые фактически в ходе развития общественной жизни и прогресса науки были ими потеряны. Они вынужденно шли на уступки, лишь бы спасти самую идею бога, лишь бы удержаться на последних рубежах фидеизма.

Астрономия и геология разбили версию о божественном происхождении солнечной системы и земли, что ж, заявляли учредители Общества образованных молокан, «мы признаем, что мир создан и управляет при помощи законов природы, а не посредством чудес. В вопросе о происхождении нашей солнечной системы и земли мы идем вслед за научными завоеваниями астрономии и геологии. Мы отвергаем авторитет Библии в этом вопросе»²¹⁸.

Дарвинизм разбил библейскую версию о происхождении человека — учредители Общества образованных молокан готовы были заигрывать и с дарвинизмом: «В вопросе о происхождении человека и органических существ на земле мы идем вслед за наукой биологии: мы держимся учения

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ «Миссионерское обозрение», СПб., 1899, октябрь, стр. 310.

²¹⁷ Там же, стр. 311.

²¹⁸ Там же, стр. 311—312.

Дарвина, пока не будет открыта более доказательная теория. Мы не принимаем авторитета Библии в этом вопросе»²¹⁹.

Чтобы сохранить у своих последователей идею бога, А. С. Проханов и его единомышленники готовы были целиком выбросить Библию за борт нового конструируемого ими вероучения: «Мы утверждаем, что человек в поисках за истиной должен руководствоваться прежде всего не верой и Библией, а своим личным суждением, т. е. испытывать своим разумом всякую истину, прежде чем принять ее. Поэтому мы отвергаем буквальную богоизбранность и авторитет Библии, которая обыкновенно служит сектантам критерием, т. е. мерилом и непогрешимой пробой для распознавания всякой истины»²²⁰.

Организованное им общество А. С. Проханов охарактеризовал как «религиозное безбожное (! — A. K.) сектантское общество»²²¹. Само собой разумеется, ничего «безбожного» программа общества не заключала, как ни радикально, на первый взгляд, звучали рассуждения «образованных молокан» о руководящей роли суждения в поисках истины и испытании истины разумом.

В самом деле, как, посредством какой гносеологии предлагали «образованные молокане» исследовать истину? Программа Общества образованных молокан содержала исчерпывающий ответ на этот вопрос и разом ставила вне подозрений религиозный характер пропагандируемого нового учения: «В вопросах о возможности знания и истины мы держимся критического направления Канта»²²². Как известно, излагая в «Критике чистого разума» свою гносеологическую теорию, Кант недвусмысленно писал: «Я должен был ограничить область знания, чтобы дать место вере...»²²³ В этом все дело и заключалось — «образованные молокане» не отказывались от веры в пользу знания, а, напротив, пытались спасти веру от наступившего знания. В борьбе за сохранение идеи бога они обратились к теориям, модным в конце XIX в. среди немецкой и австрийской буржуазной интеллигенции, обновлявшим критицизм Канта, и на этой основе возводили свое «религиозное безбожное» учение, оспаривая пальму первенства у русских философов-богостроителей, последователей эмпириокритицизма Маха и Авенариуса.

Отрицая божественное происхождение солнечной системы, земли, жизни, человека, «образованные молокане» в то же время утверждали существование единого и неделимого бога, бессмертие души и признавали «молитву как выражение нашей зависимости от божества»²²⁴.

Каким образом «образованные молокане» соединяли эти несоединимые положения? Ответ лежит в ссылке на «критическое направление Канта». Ведь и для Канта бог являлся не непосредственным ваятелем мира, а создателем условий, из которых впоследствии мир развился в естественноисторическом процессе. Новое учение не могло оставить в стороне и вопросов «о происхождении семьи, собственности, общества и государства», но обеспечило себе полную свободу в решении этих вопросов, сделав глухую ссылку на необходимость идти «вслед за прогрессом науки социологии и общественной экономии»²²⁵.

Судя по письмам А. С. Проханова, идеи Общества образованных молокан нашли некоторый отклик у представителей сектантской студенческой молодежи. Однако попытки привлечь на свою сторону баптистов, как к этому стремился А. С. Проханов, а также попытки найти способы «ком-

²¹⁹ «Миссионерское обозрение», стр. 312.

²²⁰ Там же, стр. 311.

²²¹ Письмо А. С. Проханова от 2 февраля 1900 г. ЦГАОР, ф. 102, 12, ч. 2, л. 19.

²²² «Миссионерское обозрение», стр. 312.

²²³ Кант. Критика чистого разума. Пг., 1915, стр. 18.

²²⁴ «Миссионерское обозрение», стр. 312.

²²⁵ Там же.

промисса на религиозной почве нашей рационалистически настроенной сектантской молодежи с традиционным фанатично-суеверным сектантством» не имели никакого успеха. В состав Общества образованных молокан вошла лишь небольшая группа, состоявшая из представителей буржуазной интеллигенции и студентов. Общество не справилось ни с одной из тех задач, ради которых было создано, не объединило ни «образованных», ни «необразованных» молокан, ни тем более вообще сектантов. Тем не менее его сторонники не прекращали своей деятельности, разъезжая по молоканским общинам и проповедуя идеи «религии знания». Они выработали запас приспособленческих к науке идей, к которому те или иные проповедники молоканства охотно обращались и после Великой Октябрьской социалистической революции.

Попытка образовать Общество образованных молокан не была изолированной, а составляла одно из звеньев в цепи усилий, предпринятых в определенных кругах молоканства, чтобы спасти движение от полного краха. Такими кругами являлись буржуазно-либеральные элементы молоканства, которые в напряженной внутренней обстановке, сложившейся в секте и по-своему отражавшей развитие классовой борьбы в стране, попытались взять молоканское движение в свои руки.

Наиболее видным деятелем этого круга был Н. Ф. Кудинов, возглавивший в молоканстве так называемое прогрессивное движение. Делая ставку на молодые поколения молокан, Кудинов и его единомышленники выработали программу «обновления» молоканства, которая в религиозно-философском плане была близка некоторым идеям «образованных молокан». Так, например, подобно последним, Кудинов проповедовал, что «вселенная вечна и история бесконечна»²²⁶.

Программа Кудинова охватывала гораздо более широкий круг вопросов, чем это делали «образованные молокане», а, главное, она непосредственно была связана с ходом происходившей в молоканстве внутренней борьбы. Кудинов выступил против современных ему верхов молоканства, апеллируя при этом к бедственному положению рядовых его членов, действительные нужды которых по существу ему были чужды.

Дело было в том, что «старцы» — религиозные руководители молоканства — представляли собой насквозь коррупированную перархию, стяжавшую ненависть в низах секты и насаждавшую палочную дисциплину. «Старцы» были орудием крупных буржуазных дельцов-молокан — открытых монархистов, противопоставлявших оппозиции со стороны низов секты најим на них средствами экономического давления, религиозное насилие, наконец, расправу с недовольными элементами, используя для этого связи с гражданскими властями.

Это были элементы, которые по своему общественному положению и политическим взглядам близко подходили к октябрьской буржуазии. Они пытались держать молокан вне политики, образования, культуры, считая, что в чем бы внорелигиозные интересы последних ни выражались, они чреваты непредвиденными последствиями, угрожающими строю сложившихся в секте отношений. Они проповедовали, внедряли и охраняли идеал патриархального молоканства, замкнутого в сфере религиозных традиций и находящегося под их авторитарным господством.

Под этим знаком охранительных традиций задуман был торжественный всероссийский съезд молокан, посвященный столетию этой секты в России, якобы исполнившемуся в 1905 г.

«Старцы» и их фактические хозяева, таким образом, датировали столетие своей секты не от времени, когда выступал Семен Укленн и молоканство понесло первые и обильные жертвы за свою оппозицию господствующей церкви, а 1805-м годом — датой, с которой наименование секты

²²⁶ М. С. Яковлев. Письмо. «Духовный христианин», 1913, № 6, стр. 20.

появилось в официальных государственных актах. Съезд меньше всего задуман был в качестве трибуны для коллективного обсуждения стоявших перед молоканством проблем. Он должен был явиться широкой демонстрацией верноподданничества молокан, противопоставленной развертывавшейся в стране революции. «Старцы» готовили съезд, приглашая для участия в нем не только наиболее известных представителей капитала, своих маститых религиозных деятелей, но и высокопоставленных чинов царской администрации.

Политике «старцев» и стоявших за ними крупных буржуазных дельцов, приведшей молоканство к массовым потерям кадров, Кудинов и его единомышленники противопоставили более гибкую политику. Как и «образованные молокане», убравшие из молоканства то, что в области их религиозных понятий фактически было все равно потеряно, «прогрессивные молокане», считаясь с пробуждавшимся классово-политическим сознанием молокан и тяготившей их религиозной замкнутостью, осудили сектантскую исключительность, призвали молокан к «прогрессу» и даже к участию в общественной жизни. Кудинов и его единомышленники сделали «прогресс» своей политикой так же, как «старцы» делали своей политикой «патриархальность».

Какова была суть политики «прогресса», провозглашенной Кудиновым? Это была политика буржуазной реакции в маске прогресса. «Прогрессисты» легализовывали право молокан на образование, чтобы приобщить их, например, к идеям «образованных молокан». Они узаконяли за молоканами право на участие в общественной жизни, чтобы руководить ими в ней. Кудинов и его единомышленники олицетворяли буржуазно-либеральное направление в молоканстве. Они готовились к предстоящему съезду и для того, чтобы вырвать у «старцев» первенство в руководстве молоканским движением.

В письме, разосланном единомышленникам, Кудинов выдвигал требование, чтобы на предстоящем съезде была реформирована духовная иерархия молокан. «...За последнее время,— писал он,— должности пресвитеров и наставников занимаются... по преимуществу бездарными богачами, которые отвоевывают для себя почетные места наставников путем угощений и подкупа»²²⁷.

Кудинов настаивал «положить начало на съезде открытию высшего духовного учебного заведения для подготовления наставников и пресвитеров» и «установить во всех молоканских общинах правильную отчетность всем поступающим на благотворительные цели деньгам», «учредить общественные кассы на началах взаимопомощи»²²⁸. В качестве важной задачи для готовившегося съезда он предлагал «изыскать средства ко всеобщему образованию молокан, путем открытия во всех селениях, где живут молокане, школ...». Образованию в планируемых Кудиновым школах предполагалось придать не столько светский, сколько религиозный характер. В них должно было быть обязательным преподавание «закона божия, по правилам вероучения молокан, дабы потомству нашему не грозило распадение и полное религиозно-нравственное разложение...»²²⁹.

Кудинов готовил сочувствующее его планам большинство участников съезда, в связи с чем обращался к единомышленникам: «Желательно, чтобы на съезд командировались люди, как по образованию, так и по нравственной жизни стоящие выше тех, кои силою богатства приобрели первенство...»²³⁰.

²²⁷ А. И. Платонов. К вопросу о предстоящей церковной реформе. СПб., 1905, стр. 4.

²²⁸ А. И. Платонов. Указ. соч., стр. 4.

²²⁹ Там же, стр. 3.

²³⁰ Там же, стр. 4.

Всероссийский съезд молокан открылся 22 июля 1905 г. в пресловутой Воронцовке — цитадели их капиталистического землевладения. Специальная арка, воздвигнутая в честь приглашенной на съезд высшей правительственной администрации, была украшена инициалами Александра I и Николая II. Съезд открыл молитвословием за царя. Оглашены были телеграммы и письма с выражением верноподданнических чувств Николаю II. Однако юбилейное торжество и монархическая демонстрация оказались несколько омраченными для устроителей съезда выступлением Кудинова, поддержаным его сторонниками на съезде. Кудинов развел проект реформ, намеченный в его предсъездовском письме единомышленникам. Он предлагал придать молоканству законченно-церковный (в духе протестантизма) характер, установив общую для всех общин обрядность и догматику, опубликовать катехизис молоканского учения, открыть школу молоканского богословия, издавать «духовно-нравственный журнал и газету», упорядочить избрание иерархов на началах буржуазной демократии, созывать ежегодно всероссийские съезды молокан. Особое внимание Кудинов уделил организации школ, кружков, хоров и «культурных» организаций для молодежи.

В общем Кудинов заимствовал выработанные в баптизме организационные формы, чтобы пересадить их на почву молоканства, не изменяя при этом религиозной доктрины последнего. Но как ни характерен тот факт, что в рассматриваемое время все виды сектантства не могли больше существовать как добровольные сообщества единомышленников и нуждались во внешних формах церковной организации, еще более характерной была аргументация, которую развел, обосновывая свой проект реформ, Кудинов. Эта аргументация заслуживает внимания именно потому, что характеризует остроту внутренних противоречий в молоканстве, упадок и разброд в нем, которые волей-неволей Кудинов оказался вынужденным констатировать и для уменьшения которых он готовил свои организационно-церковные скрепы. «Братство наше,— говорил он на съезде,— повсеместно упало очень низко, особенно в крупных промышленных городах, где общий поток современной жизни захватил собою и наше братство... Общины распадаются, собрания пустеют... В нашем обществе нет никакой организации, всю духовно-общественную власть захватили лишь некоторые члены общины, выдвинувшиеся или капиталом или же качествами отрицательного характера...»²³¹.

Кудинову приходилось называть вещи своими именами, чтобы быть услышанным не только на съезде, где большинство составляли его противники, но,— и это для него было важнее,— за пределами съезда, в местных общинах, где он и его единомышленники организовывали вокруг себя молокан. Кудинов рассчитывал привлечь симпатии средних слоев молоканства, недовольных засильем в общинах капиталистических толстосумов, он надеялся завоевать доверие низов молоканства, выступив в роли их защитника от эксплуатации и насилия крупных богачей. «Капиталисты,— продолжал он свою речь,— окружают себя лицами с особо грубым правом, и этот небольшой кружок лиц производит подавляющее действие на всю остальную меньшую братию и на молодежь. Таким образом, устраняются от влияния на общественные дела девять десятых членов, как бы не имеющих никакого права голоса... Все, даже наиважнейшие вопросы и общественные дела решаются... произвольным усмотрением нескольких руководителей»²³².

Выступление Кудинова вызвало острые разногласия на съезде, однако его конкретные предложения руководителям съезда удалось «похоронить». Постановлено было «по совету старцев» вернуться к предложениям Куди-

²³¹ Там же, стр. 10.

²³² Там же, стр. 11.

нова на следующем съезде, который предполагалось созвать в узком составе, а именно «только из представителей общин»²³³.

Руководящие позиции в молоканстве так и остались занятими «старцами». Тем не менее влияние Кудинова в молоканских общинах на местах, особенно в центральных и Таврической губерниях, усилилось.

И до съезда в 1905 г. и после него Кудинов вел свою проповедь в духе политических идей кадетизма. Жалуясь на то, что «мужи, занимающиеся торговлей нефтью, богатые коммерсанты, вроде Н. М. Кащеева, вечно тормозят благие порывы и добрые начинания молокан»²³⁴, он в то же время одобрял тех капиталистов, которые, «обладая миллионными состояниями», не противопоставляют себя рядовым членам общины и сохраняют в отношениях с ними внешние признаки «братства» и «равенства»²³⁵.

Хлопота о предоставлении молоканам равных прав с представителями признанных самодержавием религий, Кудинов неизменно выставлял себя сторонником самодержавия и лакействовал перед ним. Так, он подобострастно писал, что в 1905 г. «правительство, убедившись в полной безвредности их (молокан.—А. К.) в политическом отношении, разрешило издавать свой печатный орган, ежемесячный журнал «Духовный христианин»...»²³⁶. В 1913 г. Кудинов с целью вымолить у самодержавия юридические подачки в пользу молоканской секты опубликовал в ознаменование 300-летия дома Романовых книжку «Духовные христиане. Молокане», в которой писал: «...я принял на себя труд составить краткий исторический очерк в память трехсотлетия дома Романовых, под державой и скипетром которого развивалось и окрепло духовное христианство»²³⁷. Это были слова, полные лжи и монархического угодничества.

В молоканстве продолжался разборд. По общинам разъезжали то одни, то другие широкоизвестные и малоизвестные проповедники, из которых каждый претендовал на обладание «истиной» в конечной инстанции и предлагал себя в качестве реформатора и вождя молоканства. Некто Данилов, часто выступавший на страницах «Духовного христианина», проповедовал в общинах «религию знания», Д. В. Зайцев выступал с проповедью соединения молоканства с толстовством, М. И. Калмыков убеждал молокан в приближении кончины мира и наступлении тысячелетнего царства и т. д. и т. п.²³⁸

Наряду с баптизмом в среде молокан, окончательно сбитых с толку разноголосицей своих вожаков, во втором десятилетии XX в. начал распространяться адвентизм, делавший успехи среди общин Карской и Акмолинской областей, Елизаветпольской, Тифлисской, Эриванской, Бакинской и других губерний²³⁹. Успех адвентистской проповеди среди молокан характерен как показатель отчаяния, охватывавшего их перед лицом общественных противоречий. Они давно разуверились в молоканском «царствии божии» на земле, они уже ничего не ожидали от проповедуемого баптистами «промысла божьего» и теперь надеялись, что лишь чудо — пришествие Христа — освободит их от нужды, притеснений, эксплуатации. Может быть, еще более характерным явлением были проповеди адвентистского характера, появившиеся в среде самих молокан, как, например, проповедь упомянутого выше Калмыкова.

²³³ «Отчет о всероссийском съезде духовных христиан (молокан), состоявшемся 22 июля 1905 года». Тифlis, 1907, стр. 43.

²³⁴ Н. Ф. Кудинов. Столетие молоканства в России 1805—1905 гг. Баку, 1905, стр. 85.

²³⁵ Там же, стр. 36.

²³⁶ Н. Ф. Кудинов. Духовные христиане. Молокане, стр. 44.

²³⁷ Там же, стр. 4.

²³⁸ М. С. Яковлев. Письмо. «Духовный христианин», 1913, № 6, стр. 20—21.

²³⁹ И. М. Семёнов. Суббота господня (к сведению братьев, принявших адвентизм). «Духовный христианин», 1913, № 5, стр. 33 и 34; см. также «Духовный христианин», 1909, № 2, стр. 63.

И все же, несмотря на то, что молоканство находилось в состоянии разложения, оно оставалось наиболее распространенной сектой еще и на кануне Великой Октябрьской революции. Основные его очаги, как это следует из статистических данных, собираемых министерством внутренних дел в 1909 и в 1916 гг. и в общем согласующихся с данными, поступавшими в синод епархиальных отчетов, находились в Амурской области, Тифлисской, Самарской, Саратовской, Тамбовской губерниях, Карской области, Астраханской, Воронежской, Эриванской, Бессарабской, Рязанской, Ставропольской губерниях, в областях Войска Донского и Тургайской. Менее крупные очаги находились в Пензенской, Симбирской, Енисейской, Нижегородской, Владимирской губерниях.

Вопрос о статистике молоканства в последние годы дореволюционной России крайне неясен. Кудинов писал в 1913 г., что молокан «ныне в России насчитывается более миллиона душ обоего пола»²⁴⁰. Эти данные вызывают большое сомнение, тем большее, что Кудинов в первой половине 20-х годов с легкостью насчитал два миллиона молокан, хотя известно, что после Октябрьской революции их число значительно сократилось. При всем их безучастном отношении к событиям своей религиозной жизни, трудно, например, представить, чтобы из миллиона молокан, насчитанных в 1913 г. Кудиновым, их основной орган — журнал «Духовный христианин» — имел в 1913 г. всего 690 подписчиков, из коих платных было 568²⁴¹.

Принимая во внимание отмечаемое всеми источниками явление массового перехода молокан в баптизм, трудно поверить в существование миллиона молокан при том, что баптистов в это время насчитывалось (исключая Прибалтику) не более 100 тыс. и весьма значительный контингент среди них составляли лица, перешедшие в баптизм из православия.

По данным официальной статистики, молокан различных направлений в первое десятилетие XX в. насчитывалось до 200 тыс. Нам эти данные представляются хотя и заниженными, но более отвечающими действительности, чем данные Кудинова. Следует учитывать, что молокане (их основная часть) жили компактными поселениями, что облегчало возможность учета их численности. Главные мишени церковно-правительственных преследований сектантов в это время составляли, во-первых, так называемые изуверские секты (прежде всего христововеры) и, во-вторых, секты баптистского направления, именно ввиду проявленной ими жизнеспособности и успешной проповеди среди православных. Церковный автор, писавший в 1906 г. в «Тамбовских епархиальных ведомостях», был по-своему прав, когда делал вывод: «Опасности от 1500 баптистов для православия больше, чем от 8000 молокан»²⁴². Это было справедливо, конечно, не для одной Тамбовской губернии.

Разумеется, соображения ведомственного характера, как и соблюдение престижа православия, приводили к затушевыванию подлинной картины распространения молоканства. Молокан было больше, чем это показывала официальная статистика, но и много меньше, чем сообщали их апологеты.

Подведем некоторые итоги.

Дореформенное сектантство возникло как религиозная форма социального протesta, главным образом крестьянских масс, направленного против господствующих феодально-крепостнических отношений. Религиозная форма, в которую облекался этот протест, была обусловлена господством феодально-крепостнических отношений, в условиях которых религиозная идеология была господствующей. Социальный протест составлял земное ядро идеологии, которая принимала причудливую, фантастическую форму

²⁴⁰ Н. Ф. Кудинов. Духовные христиане. Молокане, стр. 4.

²⁴¹ «Отчет издательского товарищества духовных христиан за 1913 г.».— «Духовный христианин», 1914, № 6, стр. 85—86.

²⁴² «Тамбовские епархиальные ведомости», 1906, № 10, стр. 552.

то христоверческих, то духоборческих, то молоканских религиозных учений. Отсюда значение, которое, в противоположность православию, было придано в этих учениях человеку, его совести и разуму, его личной этике и деятельности, его способности собственными силами осуществить «царство божие» на земле. Всем этим идеология старого русского сектантства обязана была крестьянскому демократизму своих участников.

Доктрина о «царстве божием», которое люди сами властны построить на земле, была религиозным отражением и выражением стремлений демократических слоев, боровшихся против феодально-крепостного насилия, освященного авторитарной религией православия. Эта борьба отвечала объективному ходу разложения феодально-крепостного строя, что вдохновляло ее участников, придавало им силы и уверенность. Но по мере того как капиталистические отношения расширяли в феодально-крепостническом обществе свой плацдарм, «царство божие», о наступлении которого мечтали сектанты, оказывалось царством стихийных рыночных отношений.

В конкурентной борьбе баптизма со всеми формами старого русского сектантства на слом пошла в первую очередь идея «царства божия» на земле, все вообще концепции старого русского сектантства, исходившие из этики «добрых дел», из доверия моральным и интеллектуальным силам человека: в своей религиозной форме они не выдержали испытания общественной практики.

Баптизм противостоял старому русскому сектантству, в частности молоканству, как раз по основам религиозной философии, а не по тем или иным вопросам ритуала и обрядовой практики (например, о «духовном» или «водном» крещении); это достаточно ясно представляли себе и идеологии дореформенных течений сектантства. «По учению баптизма,— писал молоканин Д. В. Зайцев,— Христос... и теперь совершает в нас всякое добре хотение и воление, сатана же рождает в нас злыя и лукавые помыслы; мы же, люди сами с своеи волей и усилиями остаемся как бы ни при чем»²⁴³. Зайцев резюмировал: «...по учению баптизма, человек является какой-то карманной куколкой с ниточкой, за которую попеременно дергают то добрый, то злой механик, и, собразно их желанию, куколка делает движение своими членами; словом, баптизм отрицает свободную волю человека и в этом его первое, основное, прискорбное заблуждение, ибо, по учению Библии, человек создан свободным... Свобода воли есть основной догмат учения духовных христиан»²⁴⁴.

Зайцев правильно формулировал основную идею баптизма, совершив не поняв в то же время, что не что иное, как господство слепых разрушительных сил капитала и превращало человека в «карманную куколку с ниточкой». Мелкие хозяйчики, беднота, пролетаризирующиеся элементы дореформенного сектантства давно уже утратили веру в плодотворность своих усилий и жизнеспособность своих идеалов.

Правда, и фермеры, предприниматели, коммерсанты, ростовщики, игравшие столь видную роль в молоканстве, как и в других сектах дореформенного происхождения, в свою очередь, являлись «карманными куклами»: они не были застрахованы от кризисов, убытков, разорения, банкротства.

С разных концов и низы, и верхи дореформенного сектантства, особенно молоканства, приходили к идее предопределения.

Рассматривая баптизм как религиозный продукт буржуазных общественных отношений, мы можем теперь оценить прослеженные нами ранее процессы изменений в христоверии, духоборстве, наконец, молоканстве

²⁴³ Д. В. Зайцев. Молодое собрание. «Духовный христианин», 1909, № 8, стр. 23.

²⁴⁴ Там же.

как своего рода их «баптизацию», начавшуюся задолго до появления баптистских миссионеров в России.

Можно сказать, что в XIX в. самим ходом развития общественной жизни христововерие, духоборчество, молоканство (поскольку сторонники их не порвали с религией) «влеклись» к баптизму, что выражалось в ограничении самодеятельности и религиозной инициативы верующих, опытах кодификации религиозных взглядов, возрастании значения обрядовой стороны культа и религиозного церемониала, наконец, в появлении религиозной иерархии в сектах и расширении ее функций и прав. По существу все это и было поворотом в сторону баптизма и соответствовало захватившему дoreформенное сектантство процессу социального размежевания и возвышению роли буржуазных элементов в его руководстве.

Глупе становились в сектантстве социальные мотивы, все чаще от него откалывались группы верующих, на время возрождавшие в новых общинах социальные традиции раннего сектантства. Но если не в социальном, то по крайней мере в религиозном плане и христововерие, и духоборчество, и молоканство еще не порывали с общими основами своих учений: формально они все еще придавали божественное достоинство внутреннему миру человека и отрицали ортодоксальное учение православия о «божественном промысле», слепо господствующем над людьми.

«Смену вех», как мы уже выше сказали, принес только баптизм, хотя его учение о «божественном промысле» не было повторением православного. Молоканство ближе других сектантских течений стояло к баптизму, и поэтому «сегодняшние» (в конце XIX — начале XX в.) баптисты едва ли не наполовину состояли из «вчерашних» молокан. Почва для успеха баптистской проповеди среди молокан была подготовлена социальными противоречиями, обозначившимися в молоканстве раньше и развивавшимися шире и глубже, чем в других направлениях старого русского сектантства. С этим связаны были и особенности мировоззрения молоканской секты, которая противопоставила слепому надчеловеческому «промыслу» православия не «духовное ясновидение» человека, как было заведено в сектах христововеров и духоборов, а Библию, приняв ее в качестве непреложного кодекса веры.

Во всяком случае распространение молоканства, преимущественное перед другими сектантскими течениями, как и прослеженные нами явления социально-идейного размежевания внутри других сект, свидетельствует о том, что в XIX в. в старом русском сектантстве буржуазно-реформационные тенденции преобладали над народно-реформационными, что и привнесло в конце XIX — начале XX в. закономерную победу баптизму.

Смена молоканства баптизмом явилась финальным актом превращения демократического движения в религиозной форме, каковым некогда выступило сектантство, в буржуазно-церковную организацию протестантского (реформатского) типа.